

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

I-й Круглый стол Программы
«Актуальное прошлое:
наука и общество»

ФАЛЬСИФИКАЦИИ ИСТОЧНИКОВ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИСТОРИИ

17 сентября 2007 года

Москва, Президиум РАН
(Ленинский пр-т, д. 32 а,
3-й этаж, зал «Ротонда»)

Материалы круглого стола

Москва
ИВ РАН
2007

Издано при поддержке РГНФ
(проект № 05-01-01056а)

ISBN 978-5-89282-335-7

© Отделение историко-филологических
наук РАН

© Институт востоковедения РАН, 2007

ПРОГРАММА КРУГЛОГО СТОЛА

Начало регистрации — 9-00

Начало заседаний — 9-40

Утреннее заседание (ведущие — В.П. Козлов, В.А.Шнирельман)

Шнирельман Виктор Александрович

(д.и.н., Институт этнологии и антропологии РАН)

Подделки как этнополитическая проблема

Козлов Владимир Петрович

(член-корреспондент РАН, руководитель Федерального архивного агентства)

Типология фальсификаций источников по российской истории

Данилевский Игорь Николаевич

(д.и.н., Институт всеобщей истории РАН)

Корни липовой книги: к вопросу о причинах создания Влесовой книги

Робинсон Михаил Андреевич

(д.и.н., Институт славяноведения РАН)

Краледворская и Зеленогорская рукописи — выдающееся достижение в деле фальсификации исторических источников

Эрлихман Вадим Викторович

(к.и.н., научный редактор издательства «Молодая гвардия»)

В гостях у Вральды: фантастическая «Хроника Ура Линда»

Перерыв

Первое дневное заседание (ведущий А.Е.Петров)

Мельникова Елена Александровна

(д.и.н., Институт всеобщей истории)

Трактовки этнонимов и проблема фальсификации лингвистических источников

Петров Андрей Евгеньевич

(к.и.н., ученый секретарь Отделения историко-филологических наук РАН)

Останки Ивана Сусанина между наукой и областной администрацией: опыт фальсификации с помощью заданной интерпретации археологических и судебно-криминалистических исследований

Дубовик Валерия Валерьевна

(к.филол.н., докторант МГУ им.М.В.Ломоносова)

Подложная грамота «Иоанна Владимирского Шуйского»

Шамин Степан Михайлович

(к.и.н., Институт русского языка им.А.С.Пушкина)

Легендарная переписка турецкого султана

Дискуссия

Обед

Второе дневное заседание (ведущий И.В. Зайцев)

Зайцев Илья Владимирович

(к.и.н., заместитель директора Института востоковедения РАН)

Антоний Мухлиньский и «Рисале-йи Татар-и Лех»

(«Трактат о польских татарах» или «Трактат польского профессора»?)

Кизилов Михаил

(d.phil st. Merton College Oxford)

Ильяш Караимович и Тимофей Хмельницкий: кровная месть, которой не было

Федорчук Артем

(Институт славяноведения РАН)

Авраам Фиркович и фальсификации крымских надгробных памятников

Васильев Александр Дмитриевич

(к.и.н., Российская академия государственной службы при Президенте РФ)

Современная турецкая историография об отношениях России с государствами Центральной Азии

Столяров Александр Александрович

(к.и.н. Институт востоковедения РАН)

Подделки жалованных грамот в раннесредневековой Северной Индии

Дискуссия

Перерыв

Вечернее заседание (ведущий В.А. Шнирельман)

Гаджиев Муртазали Серажутдинович

(д.и.н., Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН)

«Албанская книга» и ее роль в сложении лезгинской этноцентристской мифологии

Бессмертная Ольга Юрьевна

(канд.культурологии, Институт восточных культур и античности, РГГУ)

Ахметуковедение: создание национального писателя в адыгейском литературоведении

Зарецкий Юрий Петрович

(д.и.н., профессор, Государственный университет – Высшая школа экономики)

Кацкари: об одном реальном вымышленном воображаемом сообществе

Беляев Леонид Андреевич

(д.и.н., Институт археологии РАН; глав. ред. журнала «Российская археология»)

Фальсификаты, археология и общество

Яблонский Леонид Теодорович

(д.и.н., Институт археологии РАН)

Археология и параэтногенетическое исследование в современной России

Дискуссия

Подведение итогов

Регламент

Сообщение	– до 20 мин.,
Выступление с комментарием к сообщению (необходимо согласовать с ведущим)	– до 10 мин.
Выступление в дискуссии	– до 5 мин.

ВВЕДЕНИЕ

«НАС ВОЗВЫШАЮЩИЙ ОБМАН»... ФАЛЬСИФИКАЦИИ ИСТОЧНИКОВ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИСТОРИИ* **

Современный мир оказался в удивительной ситуации, когда гуманитарные по своей сути вопросы истории всё чаще становятся причиной вполне осязаемых политических проблем. «Войны памяти» обострились, в том числе в результате зашкаливания уровня мифологизации общественного сознания. Актуальность темы исторических фальшивок ещё и в том, что сегодня почти все националистические движения в России и на постсоветском пространстве обзавелись собственными версиями национальных историй, собственным взглядом на российское прошлое и роль в мировых процессах. Если сложить вместе все полонецкие, украинские, аланские, аркаимо-славянско-арийские, корейские, великобугарские, адыгские, мегалионо-казацкие, тюркские и прочие версии истории, то становится очевидным, что человеческая история настолько непродолжительна, а планета Земля так мала, что вместе все эти величайшие в истории цивилизации существовать не могли. Пресловутый Боливар и двоих-то не смог вынести, а тут сразу столько!

Откуда берутся эти величайшие цивилизации древности? И почему мы не знали ничего о них раньше? Конечно, на второй вопрос вам ответят легко и быстро — мол, замалчивали, уничтожали следы и т. д. А вот с первым всё значительно запутаннее. Оказывается, в целом ряде случаев нашлись неизвестные ранее исторические документы, в которых-то как раз великая миссия того или иного народа неожиданно раскрылась. Стоит ли удивляться, что эти новые документы после предъявления их специалистам оказывались подделками?

Хорошо, если фальшивку разоблачили по горячим следам, сразу после обнаружения. Она не успевает войти в массовый оборот и заморочить голову многим ни в чем не повинным людям. Но гораздо чаще происходит наоборот. Сенсационный документ широко распространяется, о нём пишут падкие до сенсаций СМИ, тем самым укореняя его в массовом сознании. Дискредитировать такой проверенный временем «источник» очень трудно. Он становится прочной основой нового национального мифа, так завлекательно возвышающего общее прошлое.

Чаще всего простой «невооружённый» обыватель воспринимает или не приемлет этот миф на интуитивном уровне. Более того, даже вполне рациональные в иных сферах деятельности люди поддаются под очарование иллюзии. Как правило, фальшивка выигрывает информационную войну у научной критики. Учёная критика подделок и мифов выходит в узкоспециальной периодике или изданиях маленькими тиражами. СМИ не интересно слушать нудные выступления профессоров о несоответствии фактов. Им нужна яркая сенсация. Учителя и преподаватели не располагают специальной методической литературой, которая бы позволяла адекватно реагировать на возникающие вопросы по поводу исторических мистификаций. В результате массовый потребитель, делая свой интуитивный выбор, не располагает данными о научной апробации этого документа или новой версии истории.

Мы считали, что эта ситуация сродни нарушению прав потребителей. Ведь даже в рекламе шампуня сообщают — «Проверено клиническими испытаниями». Журнал «Родина» решил обнародовать результаты таких «клинических испытаний» нескольких нашумевших новоиспечённых исторических источников.

Наша публикация является частью большого международного проекта, в рамках которого в сентябре этого года в Российской академии наук пройдёт круглый стол на тему «Фальсификации источников и национальные истории», а в конце года — издана книга материалов этого круглого стола. Журнал «Родина» выступает в качестве информационного партнёра этого проекта.

Андрей Петров

* Предлагаемая вашему вниманию серия публикаций подготовлена в рамках проекта РГНФ № 05-01-01056а

** Опубликовано в журнале «РОДИНА» 2007 № 8

СЛОВО «ФАЛЬСИФИКАЦИЯ» В СЛОВАРЯХ

Большая советская энциклопедия

Ф. (позднелат. falsificatio, от falsifico — поддельваю), 1) злостное, преднамеренное искажение данных, заведомо неверное истолкование чего-либо. 2) Изменение с корыстной целью вида или свойства предметов; подделка.

Толковый словарь русского языка Ушакова

Ф., и, ж. [латин. falsificatio] (книжн.). **1.** Поддельвание чего-н. *Заниматься фальсификацией древних рукописей. Ф. свидетельских показаний.* || Изменение вида или свойства какого-н. предмета с целью обмана, для того, чтобы выдать его за предмет другого вида или качества. *Ф. съестных припасов.* **2.** перен. Подмена чего-н. (подлинного, настоящего) ложным, мнимым. *Всё более тонкая фальсификация марксизма, всё более тонкие подделки антиматериалистических учений под марксизм, — вот чем характеризуется современный ревизионизм и в политической экономии, и в вопросах тактики, и в философии вообще...* Ленин («Материализм и эмпириокритицизм»). *Ф. искусства. Ф. науки.* **3.** Подделанная вещь, подделка, выдаваемая за подлинный предмет. *Это не настоящий кофе, а ф.*

Юридическая энциклопедия

Ф. (от лат. falsificare — поддельвать; англ. falsification), 1) поддельвание чего-либо; искажение, подмена чего-либо подлинного ложным, мнимым; 2) изменение с корыстной целью качества предметов сбыта в сторону ухудшения при сохранении внешнего вида; 3) подделка, подделанная вещь, выдаваемая за подлинную.

Википедия

Фальсификация истории — ложное описание исторических событий в угоду предвзятой идее. Цели и мотивы исторических фальсификаций могут быть самыми разнообразными: закрепить за тем или иным народом историческое право на определённую территорию, обосновать легитимность правящей династии, обосновать правопреемство государства по отношению к тому или иному историческому предшественнику, «облагородить» процесс этногенеза и т. д.

ПРАВДА САМОГО ВЫМЫСЛА

Из книги члена-корреспондента РАН, руководителя Росархива РФ В.П. Козлова «Тайны фальсификации: анализ подделок исторических источников XVIII–XIX веков».

Фальсификации исторических источников — это создание никогда не существовавших документов либо поправки подлинных документов, что связано целой системой различных приёмов и способов. И в том и в другом случае налицо сознательный умысел, рассчитанный на общественное внимание, желание с помощью полностью выдуманных фактов прошлого или искажения реально существовавших событий «подправить» историю, дополнить её не существовавшими деталями. Хорошо, когда фальсификации вовремя разоблачаются, но бывает и так, что они живут, порождая новые мифы, расстаться с которыми бывает порой очень трудно.

Можно выделить полностью фальсифицированные исторические источники, в которых ни содержание, ни материал, из которого они изготовлены (бумага, пергамент и т. д.), ни внешние признаки (почерк, рисунки, инициалы, заставки и т. д.) не соответствуют тому, за что пытаются их выдать, и частично фальсифицированные памятники письменности. Среди последних можно наметить две подгруппы: исторические источники, подлинные с точки зрения их содержания, авторства, времени создания, но имеющие фальсифицированные внешние признаки; письменные памятники, подлинные по содержанию, внешним признакам, но включающие поддельные вставки текста, записи писцов и т. д. (...)

Любая фальсификация исторического источника является не просто результатом в той или иной степени удачной или неудачной фантазии её автора. Подделка, как бы неискusstна она ни была, появляется не случайно. Своё изделие автор представляет подчас как главное, решающее «доказательство», с помощью которого он стремится убедить современников и потомков (а иногда, по странному причудам характера, и себя) в истинности своих представлений о прошлом и настоящем, воздействовать вымышленными фактами прошлого на их умы и чувства. В этом смысле можно сказать, что во всякой подделке исторического источника как вымысле есть правда — правда самого вымысла. (...) Подделка — это тоже исторический источник, относящийся, однако, не ко времени, о котором в ней рассказывается, а ко времени её изготовления.

БЕЛЯЕВ ЛЕОНИД АНДРЕЕВИЧ
(д.и.н., Институт археологии РАН;
гл. ред. журнала «Российская археология»)

Фальсификаты, археология и общество

Император, зная, что все древнее вызывает к себе особое благоговение, желает, чтобы выстроенная вчера церковь почиталась как старинная... она — древняя, говорит он, — и церковь становится древней.

Marquis de Custine “La Russe en 1839”

Пути фальсификации артефактов и других материальных носителей смысла чрезвычайно многообразны. Их история очень увлекательна; ей посвящают специальные исследования и энциклопедии. Подделывать можно все — от текстов до зданий и даже человеческих останков. Конечно, и в области построения ангажированных версий истории археологические фальсификаты играют огромную роль.

Но подделки сами по себе — лишь элемент, один из инструментов в политике конструирования образа прошлого. Значение имеет не только сам фальсификат (его техника, образцы для него и т.п.), и даже не только стоящий за ним конкретный (часто коллективный) заказчик, но готовность общества принять такой фальсификат на веру и/или взять на вооружение даже при полном или частичном осознании его «неподлинности». Хорошо известно, что сознание не часто ищет «низких истин», ему дороже «возвышающий обман». В этом нет злокозненности — такая потребность сродни религиозной, сродни «народной религии» и «мифу»: можно сколько угодно писать, что Казанский собор на Красной площади не строился князем Пожарским (это было доказано еще в XIX веке) — москвич будет верить в их историческую связанность.

Это явление хорошо известно Средневековью с его «благочестивыми подделками» и глубоко укоренено в сфере религиозной археологии (из известных историй напому раскопки и «анализ» трофея Гая в Ватикане, результат которого пришлось утверждать особой энцикликой). Религиозное в этих случаях часто переплетено с национальным — как, например, в раннехристианской и «библейской» археологии с их постоянным спором между «максималистами» и «минималистами» в научных изданиях и масс-медиа. Дело доходит до организации специальных конференций по поводу подлинности артефактов (Туринская плащаница) и, особенно, объектов лапидарной эпиграфики I тыс. до н.э.

и рубежной эпохи, чья аутентичность сомнительна. Журналом “Biblical Archeological Review” была организована конференция (январь 2007 г., Иерусалим) по ряду подозрительных объектов, важных для археологии христианства и иудаизма: оссуария с маркировкой «Иакова, сына Иосифа, брата Иисуса»; плода граната из слоновой кости с надписью «/принадлежит/ храму Яхве» и др., более ранних (был даже заявлен особый курс на «лучшую подделку»). Это невольно фокусирует внимание ученых (чего не всегда заслуживает) и отвлекает от комплексного изучения археолого-исторического контекста.

За готовностью «впитывать» фальсификаты и конструкты ясно виден социальный заказ, обычно комплексный, религиозно-фундаменталистско-националистический, политический и, мельче, — административный. Спектр ангажмента широк: от косвенного доказательства бытия Божия, историчности Писания — до обоснования той или иной корпорацией (в т.ч. нацией) своего «права на прошлое». В нижней части регистра — простейшие задачи управления: например, местные «промоутеры» часто заказывают «хронологические» кампании, для которых требуется звучная дата.

Одна из коренных проблем, которую мы наблюдаем в России, и которая лишь отчасти унаследована от Средних веков — отсутствии самой потребности различать «подлинное» от «неподлинного» или, по крайней мере, усиленное размывание этой потребности. Наши градоправители и обыватели издавна убеждены, что можно снести древнее здание и построить его снова — даже сделать его еще лучше (если можно так выразиться, еще древнее). Это своего рода национально-административный постмодернизм, деконструкция самой идеи подлинности как «неконструктивной» и досадной помехи.

Речь не всегда о подделке предмета — фальсификация чаще идет по пути ложных, заказных интерпретаций; специально направленного из-

бирательного поиска. Примеры «конструирования прошлого», каких очень много в России, встречают мало критики в фундаментальной науке. Арена административных забав (апеллирующих, в том числе, к неконтролируемой разумом народной потребности в «мифе») лежит как бы за забором от академических аудиторий. Наше молчание отчасти санкционирует юбилейные кампании, псевдореставрации, имитации исследований (их очень много стало в последние 10–15 лет) и т.п.

Обществу это явно опасно, а науке — противопоказано (например, совершенно очевидно, что проявляемая наукой «гибкость» — один из корней паранаучных явлений типа «новой хронологии»). Можно ли извлечь хотя бы частичную

пользу? Следует хорошо подумать. Ведь, как ни говори, а за ангажементом стоит потребность общества в нашей науке — пусть зачастую ложно понимаемая. Думаю, наименьшее, что нужно предпринять: (1) не уходить от проблемы; (2) пытаться использовать «социальный заказ» для разворачивания базовых работ (полевых, архивных, интерпретационных программ и т.п.); (3) предметно обсуждать в научной печати выносимые на поверхность «злободневные» конструкты (не говоря уж, конечно, о прямых подделках вещей и документов). Причем обсуждение должно идти не в режиме интерпретационных дискуссий, а предельно фундаментально, на базе критики идущих к делу источников.

ЛЕОНИД БЕЛЯЕВ

(доктор исторических наук),

АЛЕКСАНДРА БУЖИЛОВА,

(доктор исторических наук),

АНДРЕЙ ПЕТРОВ

(кандидат исторических наук, учёный секретарь
Отделения историко-филологических наук РАН)

ПАТРИОТИЧЕСКИЙ СКЕЛЕТ В НАРОДНОМ ШКАФУ ОПЫТ ФАЛЬСИФИКАЦИИ С ПОМОЩЬЮ АРХЕОЛОГИИ И СУДЕБНОЙ КРИМИНАЛИСТИКИ* **

Практика подделки святых мощей известна учёным со времён христианского Средневековья. Народу всегда требовались вещественные доказательства чудес и святости. Неслучайно одним из обязательных требований для канонизации святого выступает наличие нетленных останков. Соборы и монастыри по всей Европе соревновались в коллекционировании как можно большего количества бурых частиц человеческой плоти, которые можно было более, а чаще всего — менее достоверно связать с именами почитаемых святых. Вспоминается анекдот о споре двух благочестивцев, видевших череп Иоанна Крестителя в двух разных местах. В результате, оба успокоились на компромиссе, что в Кёльне они видели череп Иоанна в 10-летнем возрасте. В случае с почитанием святых мощей принцип веры определяет святость. Вопросы подлинности не стоят столь остро, как в случае с останками национальных исторических героев.

Совсем недавно вся страна стала свидетелем рождения новой фальсификации — обретения останков символа романовской народности и антипольского патриотизма Ивана Сусанина. Приметой времени стало использование в «опознании» новейших комплексных методик, занимающих передовые позиции в современной исторической науке.

«МОЯ ЗДЕСЬ МОГИЛА»?

Общество испытало «культурный шок» после обнародования результатов археологического и судебно-криминалистического исследований. Этот стресс усиливал целый ряд обстоятельств. Во-первых, устойчивое представление о том, что Сусанин завёл коварных поляков в болото (другая версия — в непроходимую чащу) и погиб там вместе с ними. Точнее, несколько раньше их.

Вспоминаются строки Кондратия Рылеева:

*«Куда ты ведёшь нас?.. не видно ни зги! —
Сусанину с сердцем вскричали враги, —
Мы вязнем и тонем в сугробинах снега;
Нам, знать, не добратся с тобой до ночлега.
(...)»*

*«Куда ты завёл нас?» — лях старый вскричал.
«Туда, куда нужно! — Сусанин сказал. —
Убейте! Замучьте! — моя здесь могила!
Но знайте и рвитесь: я спас Михаила!»
«Иван Сусанин». 1822.*

Эпический вариант этой трактовки представлен в опере Глинки «Жизнь за царя» и массе литературно-поэтических опусов о костромском Горации¹.

ИМЯ ТВОЕ ИЗВЕСТНО! ПОДВИГ ТВОЙ — НЕЯСЕН!

Ситуация осложняется тем, что в наши дни далеко не все почитатели истории убеждены в реальности подвига Сусанина. Красивый и актуальный для первой половины XIX столетия миф об Иване Сусанине прожил в блаженном нераскритикованном состоянии не более шести десятилетий². В начале же 1862 года (год 1000-летия призвания Рюрика, которое тогда трактовалось в качестве начала Российского государства) в февральском номере «Отечественных записок» появилась статья Николая Костомарова «Иван Сусанин».

Конечно, для не прошедших жестокою школу постмодернизма современников Николая Ивановича его выводы стали жестоким ударом. Для нас теперь заключения крамольного историка не кажутся чересчур радикальными: «Страдание Сусанина есть происшествие, само по себе очень обыкновенное в то время. Тогда казаки

* Статья подготовлена при поддержке РГНФ, проект № 05-01-01056а.

** Опубликовано в журнале «РОДИНА» 2007 № 8

бродили по деревням и жгли и мучили крестьян... Могло быть, разбойники, напавшие на Сусанина, были такого же рода воришки, и событие, столь громко прославленное впоследствии, было одним из многих в тот год... Могло быть, однако, что в числе воров, напавших на Сусанина, были литовские люди, но уж никак тут не был какой-нибудь отряд, посланный с политической целью схватить или убить Михаила... Таким образом, в истории Сусанина достоверно только то, что этот крестьянин был одной из бесчисленных жертв, погибших от разбойников, бродивших по России в Смутное время; действительно ли он погиб за то, что не хотел сказать, где находился новоизбранный царь Михаил Фёдорович, — это остаётся под сомнением...»³

Костомаровский рефрен — «могло быть» стал эпиграфом к продолжающимся полтора столетия спорам. Но дух сомнения витал над образом Сусанина и его подвигом всё это время. И было отчего. По сути, наш список источников ограничивается одной грамотой царя Михаила Фёдоровича 1619 года со смутным описанием подвига Сусанина (см.: Документ без комментария), да несколькими актами позднейших правителей, в которых явно видна тенденция к развитию сюжета в пользу потомков дочери костромского героя.

Любопытно, что даже знаменитое на весь свет отчество Ивана Сусанина — Осипович — в этих источниках не упоминается. Нет и известий о его родителях. Большой честью для дворянского крестьянина (пусть и погибшего) было уже то, что царская грамота именовала его полным именем — Иван. Зять героя Собинин везде именуется по этикету XVII века «Богдашкой». В ту эпоху отчество вообще являлось прерогативой бояр и дворян. Крестьян официально именовали уменьшительной формой имени и прозвищем. Выходит, если бы отца Сусанина звали Осипом (Иосифом), то тогда и его прозвище было бы Осипов, а не Сусанин. Сусанна — имя женское, это может указывать на то, что Сусанин рос без отца. Первое отчество («Иванович») в литературе Сусанину дал Н.А. Полевой в драме «Костромские леса» (1841 год). «Осипович» появился лишь два десятилетия спустя в беллетристике, но оказалось вполне по душе и учёным мужам⁴. Забавно, что и в новейшей судебно-криминалистической экспертизе идентифицированы останки Ивана **Осиповича** Сусанина (см.: Документ без комментария).

Всё это вместе повлияло на формирование в обществе довольно туманного образа героя, который не то был, не то не был, но куда-то завел каких-то поляков и прочую немчуру:

Заметает свежий ветер тропы.

Под ногами — взрыхленная твердь,

Позади — голодный сброд Европы.

Впереди — мучительство и смерть.

А. Петров «Иван Сусанин». 1958.

Эдакий фантом, пригодный либо уж только для совсем кондовой псевдопатриотической пропаганды, либо — для анекдотов периода застоя и перестройки, смысл которых состоял в том, что Сусанин предлагал всему Политбюро указать нужную дорогу.

Символично, что образ критика в весьма забавном виде вошел в патриотическую поэзию советской поры:

Хитро блеснёт очками сальными,

Роняя в сторону смешок:

«А знаешь, не было Сусанина,

Давно идёт такой слушок.

По сути здесь и спорить нечего.

Был просто оперный сюжет...»

В. Лебедев «Рукавица Сусанина». 1982.

В головах наших сограждан с трудом укладывалось — как в этих обстоятельствах можно было найти могилу героя и опознать его останки? Оказывается, можно. Если правильно сформулировать цели, обеспечить ресурсы и организовать эффективный менеджмент.

АДМИНИСТРАТИВНО-КОМАНДНАЯ АРХЕОЛОГИЯ

За доказательство реальности событий далёкого 1613 года и раскрытия подвига Сусанина в качестве одного из «определяющих обстоятельств в возрождении российской государственности» взялась костромская наука. В 2001 году губернатором области В. А. Шершуновым была утверждена и профинансирована Программа исследования памятных мест, связанных с именем Ивана Сусанина. Настораживают уже цели этой научной программы: «**определить** предполагаемое место захоронения Ивана Сусанина»; «**провести** археологические раскопки на некрополе»; «**выявить** из группы захоронений погребённых, соответствующих времени и параметрам Ивана Сусанина, а именно: захоронения начала XVII века, относящиеся к мужским, старше 40 лет, имеющие следы насильственной смерти»; «**провести** современными методами судебной медицины идентификацию выявленных останков и возможную принадлежность их Ивану Сусанину». Мы цитируем «Аннотацию результатов проведённых археологических и судебно-медицинских исследований (Так в тексте! — *Авт.*) по идентификации останков Ивана Сусанина», подготовленную главным археологом Костромы и заместителем начальника департамента культурного наследия, культуры и туризма Костромской области С.И. Алексеевым.

Цели ясны! Задачи определены! Осталось освоить бюджеты. Не беда, что уже цели с научной точки зрения поставлены некорректно.

Интересно, что определение сельского погоста Исупово в качестве места захоронения героя само по себе является открытием. В обширной краеведческой литературе и самом серьёзном на сегодняшний день исследовании об Иване Сусанине костромского историка Н. А. Зонтикова выдвигались две версии местонахождения могилы земляка: Ипатьевский монастырь и Домнино⁵. Эти версии тоже носят вероятностный характер, но имеют и некоторые обоснования, связанные с местными преданиями. Исупово никогда не рассматривалось в этом качестве.

Далее в документе изложены сведения о результатах трехлетних раскопок назначенного места захоронения. Отчёт о найденных нательных крестиках, количестве эксгумированных останков (около 400). Подробнее о квадрате Д-1, в котором «обнаружено вторичное захоронение (перезахоронение 13а), представленное группой трубчатых костей и черепной коробкой», на которой «имелся след от рубленой раны, приведшей к летальному исходу». Любопытно далее: «Датирующих находок перезахоронение **не содержало**, однако результаты **стратиграфических наблюдений** позволяют определить время его первоначального захоронения между концом XVI и серединой XVII веков». Всё! С этого момента научный поиск закончился. Начался интереснейший процесс запрограммированного доказательства.

Дело даже не в антропологическом или судебно-криминалистическом исследовании. Группы, проводившие их, сделали свою работу добросовестно. Проблема в заданности интерпретаций и постановке вопросов. Попробуем понять разницу. Если задать вопрос так: «Принадлежат ли эти останки Ивану Сусанину?» Что, по-вашему, сможет ответить добросовестный ученый? А если спросить: «Имеются ли признаки, исключающие принадлежность костных останков из перезахоронения 13а Исуповского некрополя Ивану Осиповичу Сусанину?». Думаем, таких признаков не найдётся ещё у доброй сотни из 400 извлечённых с погоста останков.

Достоверность полученных результатов быстро «затвердили» на Всероссийской научной конференции «Смутное время в контексте становления российской государственности и личность Ивана Сусанина: мифы и реальность». По версии Алексева, конференция «отметила высокий научный уровень проведённых работ». Видимо, эта формулировка должна была окончательно установить в глазах просвещённой публики достоверность научных результатов.

Из «резюмации... конференции» от 15 марта 2006 года подписавший её секретарь форума Алексеев выжимает лишь то, что необходимо для выполнения поставленных губернатором задач. Даже сухой слог выдаёт наличие нешу-

точной дискуссии: «Участниками конференции проявлен пристальный интерес к результатам междисциплинарных исследований памятных мест, связанных с именем Ивана Сусанина. Конференция признаёт, что данный круг исследований проведён на высоком научном уровне и демонстрирует позитивный опыт комплексного подхода к решению проблемы идентификации личности. Для дальнейшей конкретизации сведений об Иване Сусанине должен быть проведён расширенный поиск новых исторических источников». В сущности, это заключение о том, что проблему невозможно решить на основании имеющихся данных даже с помощью самых современных научных методик. Но кому же в наше время важны детали? «Результаты исследований были введены в научный оборот и представлены общественности» на конференции, которая «отметила высокий научный уровень проведённых работ». Точка! И что из того, что научная истина не определяется демократическим голосованием?

Сенсационные результаты были растрезвонены по всему миру. Не было ни одной газеты или телеканала, забывших сообщить о сенсации. Страстность репортажей нагнеталась близостью визита Президента В. В. Путина в Кострому и ещё актуальной тогда дискуссией о национальной идее в свете нового праздника народного единства. Вспомнились забытые строки:

*Так и лёг он спать в печали
За судьбу родной земли.
Чу... вдруг в двери застучали.
Ляхов черти принесли.*

С. Калягин «За русскую землю». 1968.

Костяк из Смутного времени оказался очень своевременным и в новом тысячелетии. Но давайте разберём наш скелет, так сказать, по косточкам.

ЗАЧИСТКА СЕДЬМОГО ШТЫКА

Мы решили проверить некоторые данные «Аннотации результатов» Алексева по первоисточникам. Таковыми являются хранящиеся в архиве Института археологии РАН ежегодные научные отчёты о проводившихся на некрополе раскопках (А. В. Новиков. Отчеты о работах в 2002–2004 гг. Ф. Р-1. Ед. хр. 23084, 24880, 24881, 24882).

Эти материалы тщательно изучены и сопоставлены с данными, представленными Алексеевым. В результате появились любопытные наблюдения.

Археологические раскопки на Исуповском некрополе проводились широкой площадью, по выдававшимся ОПИ Института археологии РАН Открытым листам, вполне профессионально (руководитель Новиков). Полученные научные результаты достаточно представительны. Они

зафиксированы с помощью описаний, чертежей и фотографий с принятой для таких работ степенью точности. Хотя можно поставить вопросы: а) о необходимости столь широкого вскрытия позднесредневекового некрополя; б) о степени точности датировки отдельных погребений и восстановлении общей стратиграфии, — сколько-нибудь серьёзных методических претензий к проведённым раскопкам не возникает. Напротив. Совершенно очевидно, что только эти отчёты могут и должны служить главным документом, на который следует опираться при оценке качества идентификации.

Особого внимания заслуживает «Отчёт о раскопках... в 2002 году» (Ед. хр. 23084), к которому должны были бы апеллировать авторы идентификации. Однако при сопоставлении представленных на экспертизу документов и хранящихся в архиве Института археологии РАН материалов выявлены серьёзные расхождения. Вот главные из них:

1) вызывает удивление упоминание в представленных документах какого-то «деревянного реликвария», в котором якобы производилось вторичное захоронение костей Ивана Сусанина. В «Отчёте...» о нём нет никаких упоминаний;

2) в представленных документах названо как возможное погребение Ивана Сусанина, «погребение № 13а за 2002 год» в квадратах Г, Д — 1, 2. Но в **«Отчёте о раскопках...» погребения за таким номером вообще нет.** По-видимому, номер 13а присвоен позже, уже в камеральной обстановке, когда одной из групп останков решено было придать особое значение.

Можно предположить, что речь идёт о погребении под номером 13 — или, по меньшей мере, об одном из погребений в указанных квадратах Г, Д — 1, 2. Однако в отчёте явно не показано никакого костяка, который можно было бы (пусть предположительно) связать с Иваном Сусаниным.

Под номером 13 в «Отчёте...» (С.18) описан не один, а по крайней мере два костяка: детский (ребёнок 7–8 лет) и фрагменты взрослого (30–35 лет, указан рост 166 см — видимо, он восстановлен по длинным костям?). Отметим, что погребения описаны, что называется, «рутинно», наряду с десятками других; никакого особого внимания им не уделено, и речь о соотношении одного из них с Иваном Сусаниным в тексте отчёта не идет.

Текст отчёта подтверждён фотографиями и чертежами. На фотографии и чертеже погребения 13, а также на плане зачистки 7-го штыка (С. 71), действительно, отчётливо виден скелет ребёнка, справа от которого — две длинные кости ноги взрослого человека в естественном сочленении. Вероятно, это остатки ранее существовавшей и разрушенной (при погребении ребёнка?) могилы. К таким же остаткам могут отно-

ситься разбросанные вокруг черепные крышки (не менее четырёх); их фрагменты; отдельные кости нескольких скелетов. Наконец, разрозненные кости есть на планах предыдущей и последующей зачисток указанных квадратов — что естественно для существовавшего столетиями и многократно перекопанного некрополя.

Какой была процедура выделения из всех этих останков так называемого «погребения 13а» и какие для этого имелись основания, в представленных документах не сказано.

Судя по материалам «Отчёта...», видеть среди этих останков сознательное вторичное перезахоронение нет никаких причин (в случае с ножными костями в естественном сочленении этому противоречит даже их сохранное состояние — при перезахоронениях через сколько-нибудь значительный промежуток времени все сочленения, как правило, распадаются);

3) авторами идентификации принята дата останков в пределах конца XVI–XVII вв., но конкретные основания для этого не приведено. На основании материалов «Отчёта...» её установить невозможно: вероятно, она установлена по двум обломкам крестика-тельника, но в альбоме «Отчёта...» нет ни прорисовки, ни фото этих находок. Общий материал некрополя не настолько ясен, чтобы дать основания для выяснения хронологического соотношения костяков ни в указанных квадратах, ни с костяками остальной части кладбища;

4) в документе С. И. Алексеева идет речь о повреждениях черепа из «погребения 13а».

Но в «Отчёте...» за 2002 год ни один из черепов, найденных внутри и вблизи погребения 13, не включён в специальное перечисление всех черепов с травмами «в том числе рубленого характера» (С. 4, верхний абзац).

Это особенно важное замечание. Поскольку полевые археологи и антропологи, проводившие первичное обследование, не отмечают никаких повреждений черепа (черепов) при словесном описании погребения 13 и костных останков вокруг него — вполне вероятно, что на обследованных ими костяках никаких повреждений не было. По-видимому, **предлагаемый к идентификации череп происходит с другого участка.**

Итак, отчёт за 2002 год не содержит информации, которая позволила бы идентифицировать «погребение № 13а за 2002 год», указанное в представленных документах, ни как возможное погребение Ивана Сусанина, ни в качестве погребения какого бы то ни было конкретного лица вообще. Более того, складывается впечатление, что «погребение № 13а» в том виде, как оно описано в представленных документах — просто произвольно сконструированная выборка (из лежавших в районе детского погребения № 13 костей?).

Несомненно, непредвзятая атрибуция погребения на позднесредневековом грунтовом могильнике при полном отсутствии наземной маркировки отдельных могил объективно представляет невероятную по сложности задачу. Дело дополнительно осложняется отсутствием документальных сведений о местоположении могилы внутри некрополя или каких-либо иных свидетельств о совершении этого погребения. Нет никаких сомнений, что, с точки зрения археологии, **об обнаружении останков Ивана Сусанина в Исуповском могильнике говорить пока не приходится.**

Может быть, результаты, полученные выдающимся современным криминалистом В. Н. Звягиным, проясняют вопрос? Но нет. Обнаруженные в ходе криминалистической экспертизы признаки черепной травмы от удара по голове оружием с острым краем (предположительно топор) сами по себе могут только объяснить причину смерти индивида, чьи останки подверглись научному анализу. К сожалению, факт травмы черепа без исчерпывающего археологического контекста не может быть решающим фактором идентификации личности Ивана Сусанина.

Если обнаруженные в ходе раскопок Исуповского кладбища материалы действительно можно отнести к Смутному времени, то зафиксированное Звягиным определённое число рубленых ран конечностей и головы у некоторых индивидов может лишь отражать эпизод этого беспокойного в истории русского народа периода, и, опять-таки, быть не определяющим фактором гибели именно Сусанина и обманутых им поляков, а другого человека и его современников. Вообще же, травмы, подобные той, что имеется на «идентифицированном» черепе, отмечаются на останках от 4 до 15 процентов мужского населения, живших в эпоху Средневековья и раннего Нового времени.

Проведённая Павлом Ивановым генетическая экспертиза лишь косвенно подтвердила родство нескольких индивидов в рамках единой сельской округи. Этот факт не вызывает никаких сомнений.

Анализ портретного сходства предполагаемого Ивана Сусанина и его потомков доказал невероятную похожесть. Этот факт, как и предыдущие, может только подчеркнуть, что на кладбище захоронены предки ныне живущих в Ипатьево потомков. К сожалению, и этот анализ не может достоверно утверждать, что череп, полученный Звягиным из рук археологов, принадлежал Ивану Сусанину.

Звягин в своем анализе лишь пытался привести историю гибели предложенных для криминалистического анализа индивидов. Его же заключение использовали в прессе как весомое

доказательство идентификации личности, что, как видим, неправомерно.

В общем виде такие же выводы содержатся в заключении Института археологии РАН, сделанном по запросу Министерства культуры России. Выходит, что финансовые ресурсы региона ушли в песок. Из заявленных в костромской программе целей можно считать выполненной лишь одну — «провести археологические раскопки на некрополе».

Весьма примечательны обстоятельства, приведшие к запросу Минкультуры России в Институт археологии РАН.

О НАРОДНОМ ЕДИНСТВЕ И РЕГИОНАЛЬНОМ ТУРИЗМЕ

Оказывается, в начале июня 2006 года губернатор Костромской области В. А. Шершунов обратился в Администрацию Президента Российской Федерации с просьбой об организации торжественного «захоронения останков Ивана **Осиповича** (опять! — *Авт.*) Сусанина». На Старой площади дали поручение — разобраться. Вероятно, если бы не отрицательный отзыв академического института, неизвестно чьи кости под именем Ивана Сусанина уже покоились бы, окружённые ароматами мира и ладана, в каком-нибудь сооружении, находящемся на балансе организации, возглавляемой архиепископом Костромским и Галичским Александром, и спокойно готовились бы к канонизации. Теперь придётся ещё повременить. Напомним, что вопрос о канонизации ставился перед патриархом Алексием II еще в 2002 году. Предстоятель РПЦ тогда проявил осторожность: «Ваш соотечественник Иван Сусанин совершил жертвенный подвиг, но, думаю, к этому нужно подходить осторожно, поскольку надо подробно изучить жизнь Ивана Сусанина и найти критерии, которые позволяют прославить того или иного подвижника в лике святых». Тогда же, по сообщению ИТАР-ТАСС, патриарх выразил надежду, что работа по изучению исторических сведений об Иване Сусанине будет продолжена и её итоги «позволят принять правильное взвешенное решение...». Как раз в 2002 году кипела работа на раскопе Д-1 в Исупово.

Едва ли мы когда-нибудь получим достоверные сведения о нескольких десятилетиях жизни Сусанина до подвига. Поэтому перспективы церковного прославления героя Смутного времени связаны с торжественным «перенесением мощей», скажем, в ксати отвоёванный у государственного музея Ипатьевский монастырь и дальнейшими чудесами у гроба. Для этого нужно время. А инвестиции в туризм, в том числе и в паломнический, нужны сейчас.

Но сейчас не время маленьких изменений, а эпоха постановки крупных задач. Это становится предельно понятно после изучения принятой

в 2005 году Концепции областной целевой программы «Историко-культурное, природное и духовное наследие Костромской области (до 2020 года)»⁶. Самое интересное таится в Приложении 7, рисующем захватывающие перспективы «программных мероприятий по археологическому исследованию цивилизационных процессов в Костромском Поволжье в древности, Средневековье и в русское время».

Вот какие результаты ожидают получить наши костромские коллеги:

«В течение 7–10 лет возможно получить следующие результаты:

– **удревнить костромскую историю как минимум на 13000–14000 лет;**...

– **решить проблему времени и характера происхождения Костромы, как минимум на 100 лет раньше официальной даты основания города;**...

– **решить проблему идентификации Ивана Сусанина, исследовать и реконструировать усадьбу его зятя Богдана Собинина в д. Деревеньки».**

Мы выделили фразы, которые даже студентам исторических факультетов непозволительно использовать при постановке исследовательских задач. В них звучит предрешённость результата. И если для администраций всех уровней — это несомненный позитив, то для науки и культуры — гибель. Будут новые памятники. Будет и народное единство. И уже сейчас ясно, что будут и новые фальшивки. Опыт с поддельными костями Сусанина не пропадет:

Рад Сусанин.

Шевелит усами.

Покажу вам

Кузькину мать!

Е. Старшинов «Сказ об Иване Сусанине». 1973.

ДОКУМЕНТ БЕЗ КОММЕНТАРИЯ

Жалованная (Обельная) грамота царя Михаила Фёдоровича зятю Ивану Сусанину Богдану Собинину 1619 год

Божией милостью, мы, великий государь, царь и великий князь Михайло Фёдорович, всея Руси самодержец, по нашему царскому милосердию, а по совету и прошению матери нашея, государыни, великия старицы инокини Марфы Ивановны, пожаловали есма Костромского уезда, нашего села Домнина, крестьянина Богдашка Собинина, за службу к нам и за кровь, и за терпение тестя его Ивана Сусанина: как мы, великий государь, царь и великий князь Михайло Фёдорович всея Руси в прошлом 121 (прим.: 1613) году были на Костроме, и в те поры приходили в Костромской уезд польские и литовские люди, а тестя его, Богдашка, Ивана Сусанина в те поры литовские люди изымали и его пытали великими, немерными пытками и пытали у него где в те поры мы, великий государь, царь и великий князь Михайло Фёдорович всея Руси были, и он Иван, ведая про нас, великого государя, где мы в те поры были, терпя от тех польских и литовских людей немерные пытки, про нас, великого государя, тем польским и литовским людям, где мы в те поры были, не сказал, а польские и литовские люди замучили его до смерти. И мы, великий государь, царь и великий князь Михайло Федорович всея Руси пожаловали его, Богдашка, за тестя его Ивана Сусанина к нам службу и за кровь в Костромском уезде нашего дворцового села Домнина половину деревни Деревнищ, на чем он, Богдашка, ныне живёт, полторы чети выти земли велели обелить с тое полу-деревни, с полторы чети выти на нём, на Богдашке, и на детях его, и на внучатах, и на правнучатах наших никаких податей и кормов, и подвод, и наметных всяких столовых и хлебных запасов, и в городские поделки, и в мостовщину, и в иные ни какие подати имати с них не велели; велели им тое полдеревни во всем обелить и детям их, и внучатам, и во весь род неподвижно. А будет то наше село Домнино в который монастырь и в отдаче будет, тое полдеревни Деревнищ, полторы чети выти земли ни в который монастырь с тем селом отдавать не велели, велели по нашему царскому жалованью владеть ему, Богдашке Собинину, и детям его, и внучатам, и в род их во веки неподвижно. Дана сия наша царская жалованная грамота в Москве лета 7128 (1619) ноября в 30 день⁷.

ДОКУМЕНТ БЕЗ КОММЕНТАРИЯ 2

Заключение медико-криминалистической экспертизы, 2006 год

Общее заключение

1. Проведённое медико-криминалистическое исследование каких-либо признаков, исключающих принадлежность костных останков из реликвария 13а некрополя «Исупово» Ивану Осиповичу Сусанину не обнаружило.

Костные останки из реликвария 13а принадлежали мужчине восточно-балтийского антропологического типа в возрасте 45–50 лет с длиной тела 164 ± 2 см.

2. Повреждения черепа мужчины из Реликвария 13а, не имеющие признаков заживления, указывают на насильственную смерть и вполне соответствуют обстоятельствам мученической кончины Ивана Сусанина.

3. По краниологическим данным погребения П1, П4, П5, П8 реликварий А2 некрополя «Прискоково» и реликварий 13а некрополя «Исупово» принадлежали представителям одной семейной группы, связанных друг с другом кровным родством.

4. Признаки внешности мужчины из реликвария 13а некрополя «Исупово» присутствуют в облике достоверно известных потомков Ивана Сусанина в VIII–XV поколениях.

Научный руководитель Проекта профессор В. Н. Звягин

ПРИМЕЧАНИЯ

1. В 1805 году в журнале «Друг просвещения» появились такие неказистые вирши графа Д. Хвостова:

*Херасков русского Горация открыл
Награда подвигам, бессмертной право лиры,
Из мрака исторгать, производить в кумиры.
Сусанина здесь прах, крестьянин он простой,
Но друг отечества и мужеством герой!*

(граф Д.Хвостов «Надгробие. Крестьянину Ивану Сусанину//Друг просвещения. 1805. №1. С. 23). Эти стихи были предпосланы едва-ли не первой публикации о подвиге И.Сусанина в отечественных СМИ. Рассказ о самопожертвовании костромского крестьянина написал известный русский просветитель М. Херасков и вышел он под названием «Русский анекдот» (М. Херасков Русский анекдот//Друг просвещения. 1805. №1. С. 28.)

2. Велижев М., Лавринович М. «Сусанинский миф»: становление канона//Новое литературное обозрение. 2003. № 63. Авторы связывают происхождение основных постулатов мифологического канона с упомянутым очерком М. М. Хераскова и историческим сообщением С. Н. Глинки, опубликованном в № 10 «Русского вестника» за 1810 год.

3. Костомаров Н. И. Иван Сусанин//Отечественные записки. 1862. Февраль. С. 279.

4. Зонтиков Н. А. Иван Сусанин: легенды и действительность. Кострома. 1997. С. 27.

5. Там же. С. 70–82.

6. Приложение к постановлению губернатора Костромской области В. А. Шершунова от 4 марта 2005 г. № 100.

7. Собрание государственных грамот и договоров. Ч. 3. М. 1882.

Ахметуковедение: создание национального писателя в адыгейском литературоведении

Фальшивки, как их предложено понимать в аргументации к круглому столу («особая категория подделок, связанная с групповыми интересами», «важный источник, помогающий лучше понять общественные настроения и, тем самым, дух времени») — и, особенно, подделки, отражающие те «групповые интересы» и «общественные настроения», что связаны с процессами *нациестроительства*, — могут представлять собой не только собственно тексты. Таковыми могут стать и некоторые исторические персонажи — даже существовавшие реально, но в реальности не вполне (или вполне не) совпадавшие с той культурной и национальной ролью, которой они наделяются благодаря переинтерпретации этой реальности, причем переинтерпретации, осуществляющейся коллективно. Поддельные тексты порой играют при подобной переинтерпретации существенную роль.

Примером такой нациестроительски фальсифицированной фигуры является писатель рубежа XIX–XX вв., известный в адыгейском литературоведении под псевдонимом Юрия Казибека, реальной фамилией которого считается фамилия Ахметуков, — он же человек, известный под именем Магомет-Бек Хаджетлаше-Скагуаше. Рассмотрению его творчества и «восстановлению» его биографии нередко посвящаются литературоведческие труды (издающиеся по преимуществу в Нальчике и Майкопе), где можно уже встретить и термин, выделяющий эти исследования в особую область, — «ахметуковедение». Эту фигуру рассматривают здесь как самого плодотворного адыгского писателя его времени, представителя последнего периода адыгского *просветительства*, но такого, которому удалось в его литературном творчестве уже выйти за рамки собственно «просветительства» и приблизиться к «истинному реализму». Когда же говорят о нем как личности, то могут предложить и аналогии с Н.Гумилевым (анalogии, проводимые по глубине его характера, богатству мировидения и авантурной жилке).

Между тем, в трудах, создающихся в уралоповолжском (татаро-башкирском) или столичном пространстве, эта фигура служит примером провокации, предательства и стяжательства — иллюстрацией тех методов, каковыми царское

правительство боролось с прогрессивными стремлениями мусульман России. Такая интерпретация основана на действительном факте сотрудничества М.-Б. Хаджетлаше — в его деятельности на поприще российского мусульманства в качестве издателя журнала «Мусульманин» и газеты «В мире мусульманства» — со структурами МВД, как и на том обстоятельстве, что он не избегал писать и «про-» и «контра-» мусульман в зависимости от читательской аудитории, на которую ориентировался.

Сами различия социальной памяти об этой фигуре — восходящие к различиям восприятия Ахметукова-Хаджетлаше в соответствующих регионах еще в период его активности — характеризуют особенности нациестроительства в кавказском (где особенно акцентировалась этническая составляющая национальной идентичности) и татарском (где в конструировании нации существенная роль отводилась исламу) узусах. И в том, и в другом случае такое восприятие основано, разумеется, на способах создания *образа* этого персонажа. Наиболее интересными в контексте использования (и пользы) «фальшивок» мне представляются пути конструирования образа «самобытного национального писателя» в адыгейском литературоведении.

1) Биографическая реконструкция в «ахметуковедении» основывается, в важной своей части, на одной из автобиографий, *придуманной* себе Ахметуковым и представляющей, по существу, один из его *литературных* текстов. Таких автобиографий было им придумано несколько — в зависимости от ситуации и адресата, какому предназначалась соответствующая история его жизни. «Ахметуковедение», между тем, берет на вооружение лишь раннюю. Оно, тем самым, оказывается базированным на таком *поддельном тексте*, который, хотя и служит прославлению не *коллективных* славных предков, а предков *индивидуальных* (не менее славных), обретает — через фигуру «национального писателя» — общенациональное измерение.

2) Интерпретация литературного творчества Ахметукова как творчества, отвечающего национальным традициям, игнорирует вторичность его писательства, основанного, по преимуществу, на воспроизведении образа кавказца и

Кавказа вообще, сложившегося в русской литературной традиции. По существу, ахметуковедение, вслед за своим героем, заимствует из этой традиции и идею, и самый способ интерпретации «границы», разделявшей собственно русское пространство (пространство имперского центра) и Кавказ. Одновременно, так увиденная граница и служит созданию, *отграничиванию*, национальной литературы, какой она предстает под пером Ахметукова.

3) Зачастую встречающееся игнорирование (намеренное или нет) известных фактов включает в ахметуковедении молчаливое отрицание одной из версий происхождения писателя. Возможно, он был крещеным евреем по фамилии Эттингер. Основываясь на идее общего происхождения, нацистроительная парадигма — и отвечающее ей создание *национальной культуры* — требует неперемного совпадения этничности своего героя с этническим «субстратом» конструируемой нации, вообще — его принадлежности к «своим». Между тем, национальные «бестселлеры» отнюдь не всегда создаются людьми, к таковым принадлежащими. Более того, даже формирование личности *внутри* соответствующего национального пространства может не быть обязательным: Ахметуков-Хаджетлаше мало жил на Кавказе (возможная аналогия — азербайджанский писатель Курбан Саид, со-

здавший в 1930х гг. национальный шедевр, повесть «Али и Нино», — в действительности Лев Нуссимбаум, бакинский еврей, эмигрировавший в Германию).

Сказанное позволяет подчеркнуть не только конструируемый характер нации и ее базового концепта — национальной культуры, и не только «пористость», прозрачность культурных границ. Описанное явление ставит также вопрос о том, что позволяет «чужакам» порой наиболее полно отвечать «национальным» запросам — потребностям национального конструирования. Такое конструирование, в большей части, оказывается зависимым от взгляда *извне* на соответствующие «национальные особенности».

Кроме того, хотелось бы отметить включенность таких дисциплин как литературоведение (воспринимающееся порой как одна из относительно удаленных от идеологии общественных наук) в процессы нацистроительства. Ахметуковедение представляет пример возрождения этих процессов сегодня. Противопоставляя себя советским запретам на исследование тех или иных сюжетов, оно, вместе с тем, прямо наследует те подходы советского литературоведения, которые базировались на примордиалистском и эволюционистском понимании национального развития, национальной литературы — в частности.

СОВРЕМЕННАЯ ТУРЕЦКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ОБ ОТНОШЕНИЯХ РОССИИ С ГОСУДАРСТВАМИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Тема традиционных связей государств центрально-азиатского региона и Османской империи стала после распада Советского Союза особенно популярной в исследованиях турецких историков, опирающихся на культурно-исторические стереотипы «времен Очакова и покорения Крыма» и обосновывавших в своих работах необходимость активного сближения тюркского мира с Турцией в новых условиях.

Ими неоднократно подчеркивалось политическое влияние Османской империи на становление местной государственности. Наиболее радикально настроенные турецкие исследователи, используя тенденциозно подобранные архивные материалы и литературу и последовательно изображая Россию в качестве основного врага всех тюркских народов, стали доказывать необходимость создания политических союзов под эгидой Турции. Особое внимание обращалось на то, что правители центрально-азиатских ханств обращались к османским султанам с предложениями о союзе и просьбами о помощи. При этом турецкие авторы, ссылаясь в основном на материалы из турецких архивов, а также работы зарубежных исследователей истории Туркестана, крайне тенденциозны в своих работах.

При этом турецкими авторами допускаются многочисленные фактические ошибки. Отсутствует необходимый критический анализ источников и их авторов, зачастую публикуются неподтвержденные сведения, к тому же — в искаженном переводе. Вместо цитирования доку-

ментов приводится их выборочный пересказ без анализа их общего содержания. При этом необходимо обратить внимание на своего рода дискриминационный характер подбора материалов, при котором труды и документальные публикации российских исследователей игнорируются или замалчиваются.

Можно сказать, что в Турции сложилась определенная безальтернативная концепция исключительно негативного описания и искаженной оценки бытования тюркских народов в составе царской России и бывшего Советского Союза. Таким образом, осуществляется попытка фальсификации исторической действительности с целью обосновать свои претензии на роль лидера для тюркоязычных государств СНГ.

На многочисленных конференциях последних лет, посвященных этой теме, проводившихся в Турции и организованных в государствах СНГ турецкими общественно-политическими объединениями, подобная тенденциозная направленность докладов является преобладающей. Российские историки и востоковеды из-за такого необъективного подхода к историческим событиям и часто непрофессионального уровня авторов ряда докладов, как правило, уклоняются от участия в этих конференциях. Таким образом, к сожалению, фальсификация истории отношений России и государств Центральной Азии наращивает свой потенциал и не получает опровержения.

ГАДЖИЕВ МУРТАЗАЛИ СЕРАЖУТДИНОВИЧ

(д.и.н., Институт истории, археологии и этнографии
Дагестанского научного центра РАН)

«АЛБАНСКАЯ КНИГА» И ЕЕ РОЛЬ В СЛОЖЕНИИ ЛЕЗГИНСКОЙ ЭТНОЦЕНТРИСТСКОЙ МИФОЛОГИИ

В числе загадочных древних письмен до последнего времени оставалось оригинальное письмо Кавказской Албании, которое, по сведениям Корюна, Хоренаци и Каланкатваци, было разработано в нач. V в. н.э. армянским религиозным деятелем и просветителем Месропом Маштоцем и священником и переводчиком албанином Бениамином с позволения албанского царя Асвагена и епископа Иеремии. По данным письменных источников, в Албании были открыты школы для обучения новому письму, на албанском языке была создана учебная и религиозная (христианская) литература, велась официальная переписка.

Памятники самобытной албанской письменности, в существовании которых исследователи не сомневались, долгое время считались безвозвратно утерянными. Но 70 лет назад, в 1937 г. проф. И. Абуладзе обнаружил в армянской рукописи XV в. (Матенадаран, No. 7117) албанский алфавит, приведенный в тексте наряду с другими алфавитами (арабским, греческим, сирийским, латинским, грузинским, коптским). Спустя 10 лет при раскопках в Мингечауре был найден первый памятник албанской письменности — каменный алтарный постамент с надписью по бордюру, а вскоре — еще шесть кратких текстов на различных предметах, относящихся к VI–VIII вв. (об открытии и изучении албанского алфавита и эпиграфических памятников см.: *Тревер К.В.* 1959. С. 306–312, 336–339; *Абрамян А.Г.* 1964; *Муравьев С.Н.* 1981; *Климов Г.А.* 1990. С. 494–503).

Однако дешифровка аутентичных памятников албанского письма была затруднена рядом объективных причин. Основными из них являлись ограниченность и неудовлетворительность корпуса надписей, существенные расхождения в начертании букв албанского алфавита рукописи XV в. и графем надписей VI–VIII вв., неустановленность форм и фонетических значений большой серии букв и др. Дальнейшие успехи в изучении и дешифровке албанской письменности могли быть связаны с пополнением корпуса албанских надписей.

С 1990-х гг. албанская письменность стала объектом откровенной фальсификации. В 1990 г. была опубликована статья Ф. Мустафаева, в которой была предпринята попытка дешифровки

и чтения Мингечаурской надписи на постаменте на основе азербайджанского языка, хотя авторитетные исследователи на основе исторических свидетельств и анализа албанского алфавита давно предполагали близость албанского языка к современному удинскому, относящемуся к лезгинской подгруппе дагестанской группы языков. С этого же времени некоторыми азербайджанскими исследователями были предприняты грубые и несостоятельные попытки доказательства исконно тюркской этноязыковой принадлежности таких восточно-кавказских племен как албаны, удины, гаргары и др.

Своеобразной ответной реакцией, получившей широкий общественный резонанс, стало «обнаружение» в 1991 г. и последующая дешифровка так называемой «Албанской книги» (*Ярашев Я.А.* 1995), представляющей собой откровенный фальсификат-«подкидыш» (*Гаджиев М.С.* 1998; *Гаджиев М.С., Кузнецов В.А., Чеченов И.М.* 2006, гл. 6). Эта фальшивка дала возможность различным лезгинским общественным и политическим деятелям утверждать, что «в основе албанской письменности и государственного языка лежит лезгинский язык», что лезгины являются прямыми потомками албанов, что «народы, говорившие на пралезгинском или близком к нему языке, проживали на юге Балканского полуострова, территории Малой и Передней Азии и занимали большую часть Кавказа». За этим последовали «дешифровки» на основе лезгинского языка Фестского диска, надписи на секире из Аркалохари, иероглифического письма критских печатей, линейных писем А и Б, кипро-минойского письма на табличках из Энкоми, доказательства прямого генетического родства современного лезгинского языка с хаттским (протохеттским), минойским (микенским), а собственно лезгин — с шумерами, пелазгами, этрусками и т.д., и т.п. «Албанская книга» послужила своего рода катализатором и основой в сложении современной лезгинской этноцентристской мифологии.

Появление на свет «Албанской книги» (автором которой был человек, знакомый с литературой по истории Кавказской Албании, обладающий творческой фантазией, по-видимому, лезгинский поэт и общественный деятель

З. Ризванов) и формирование развивающейся лезгинской этноцентристской мифологии было обусловлено изменившейся в конце 1980-х гг. общественно-политической ситуацией в стране, развалом СССР, вызвавшими рост национального самосознания, обострение этнополитической ситуации, появление массы национальных движений и т.д. В результате развала СССР лезгины оказались одним из разделенных народов, оказавшихся по обе стороны российско-азербайджанской границы и испытывавших «неудобства» в сфере национального и социально-культурного развития, образования и т.д. еще в советский период со стороны азербайджанского руководства, проводившего политику «тихой» ассимиляции.

Образованное в 1990 г. лезгинское национальное движение «Садвал» («Единство»), объявленное вскоре в Азербайджанской республике террористической организацией, поставило в

числе главных целей не только объединение лезгин Дагестана и Азербайджана и создание независимого государства Лезгистан, но и написание «истинной» истории лезгин, которая «нуждается в объективном исследовании и интерпретации без идеологического и националистического давления» (Программа «Садвал»). Одним из важных источников в создании такой «подлинной» национальной истории и выступила «Албанская книга», содержащая богатейшую «информацию» по истории и исторической географии, этнонимике и календарю, культуре и идеологии Кавказской Албании. Чего стоит, например, перечень целой плеяды вымышленных писателей, поэтов, архитекторов, полководцев, деятелей науки и культуры, которую открывает «гениальный писатель» Джамаг, предстающий предшественником (а, возможно, и вдохновителем) великого Низами Гянджеви.

ПОДЛОЖНАЯ ГРАМОТА «ИОАННА ВЛАДИМИРСКОГО ШУЙСКОГО»

ВРГАДА в фонде 96 «Сношения России со Швецией» хранится любопытный документ: грамота, написанная от имени Иоанна Владимирского Шуйского и четырех знатных сербов и датированная 20 февраля 1648 года [РГАДА, фонд 96 «Сношения России со Швецией», опись 1, 1651 июн.16, №7. ЛЛ.20–28]. Этот текст является одним из тех свидетельств, которыми, наряду с проезжими листами и «пасами», Т. Акиндинов — самозванец середины XVII в., выдававший себя за наследника царя Василия Шуйского, — удостоверял свою личность. В Москву из Стокгольма этот документ попал вместе с другими бумагами, отобранными русским посланником Г. Головиным 10 сентября 1651 года у слуги Лжешуйского К. Конюхова.

Упомянутая грамота входила в широкий круг документов, в которых самозванец разрабатывал сюжет о пребывании в турецком и татарском плену и чудесном освобождении из рук неверных при помощи сербов. К ним, в частности, относятся акты, хранящиеся в архиве Шлезвига и озаглавленные «Copia Attestationis litterarum ex Epirici seu Arbanici Regni Foro, Seu Magistratu interpretata est lingua Sarmato Sclavonica in latina», которые содержат свидетельские показания о бегстве князя Шуйского из Турции и обстоятельствах его жизни там [Landesarchiv Schleswig-Holstein, фонд «Verzöge von Schleswig-Holstein-Gottorf», №1500 (1652–1653), Tomoska Ankidenow, F.1–19 (78–96)]; а также послание сербского собора от 1 февраля 1648 года, в котором самозванцу уделена значительная часть текста [Сербский оригинал хранится в Ватикане, архив Sacra Congregazione de Propaganda Fide, раздел 7 «Scritture Originali Riferite nelle Congregazioni Generali», T.178 «VII. Lettere di Dalmazia, Illirico, Albania, Bulgaria 1648. 178», F.167. Оригинал на итальянском языке там же, F.168].

Комплекс документов из шлезвигского архива соотносится с актом, хранящимся в РГАДА, как полный и краткий варианты одного сюжета, включающего в себя следующие эпизоды: пленение татарами и турками, страдания в плену, неоднократные попытки освободиться и последний удачный побег, приведший странника в Сербию. Отдельные акты из германского архива можно сопоставить с частями текста из РГАДА. В самом общем виде содержание грамот со второй по шес-

тую (2. рассказ семи спутников князя Шуйского (Johannes Filius Josephi Pleszcieew Nobilis Moscovita; Theodosus Vithonicenin Presbyter iuxta ac Confessor; Johannes Filius Michaelis; Petrus filius Basilij; Stephanus Federow Scriba; Constantinus Coniuchowski; Semen terpigorew) на заседании магистрата 10 февраля 1648 года; 3. показания восьмого спутника, Стомадия Адгия, (Stomadius Adgia Filius Staicij Civis Constantinopolitanus Nationis Bulgarorum); 4. свидетельство четырех послов рагузской республики о событиях в Константинополе 1646–1647 годов от 24 февраля 1648 года; 5. рассказ архимандрита Амфилохия; 6. грамота подтверждающая эфирского магистрата о личности князя Иоанна Шуйского) включено в основную часть документа из РГАДА и первую половину резюмирующей части; седьмая, верительная или заключительная, грамота патриарха Паисия о истинности выслушанных им свидетельств и подлинности личности князя Шуйского, датированная 24 февраля 1648 года и подписанная собственноручно патриархом, соответствует второй половине резюмирующей части документа из РГАДА, которая, по существу, является отдельной грамотой того же содержания, что и предыдущая, но подписана патриархом Гавриилом и датирована 21 февраля 1648 года.

Отдельные линии сюжета, события, лица, реалии в документе из РГАДА и других актах не совпадают. Имена, названные в первом тексте, упоминаются и в других документах самозванца, но при иных обстоятельствах. Стоит также отметить расхождения в именах патриархов, чьи подписи стоят под документами, предъявлявшимися Т.Акиндиновым. В комплексе актов из Шлезвига это патриарх Паисий (также, как и в грамоте сербского собора, датированной 1 февраля 1648 года). Паисий умер в начале зимы 1648 года, однако до рукоположения нового патриарха все исходящие документы подписывались его именем. Тем не менее, в документе из РГАДА стоит подпись патриарха Гавриила, который к тому времени (21 февраля 1648 года) еще не был официально утвержден в новом сане и не мог подписывать документы своим именем.

Тексты, написанные самозванцами, являются не единственной, но крайне важной составляющей самозванческой стратегии; с их помощью

создается необходимое представление об авторе документа. В сущности, самозванство есть крайний случай фальсификации, когда фальсифицируются не только отдельные документы, но и сама личность. Самозванец предлагает обществу своего рода альтернативную историю, некий воз-

можный вариант развития событий, отработывая его разные версии, меняя детали и действующих лиц (как было отмечено выше по отношению к текстам Т.Акиндинова); и чем более приемлем для общества предлагаемый им вариант, тем более успешной оказывается карьера самозванца.

АНТОНИЙ МУХЛИНСКИЙ И «РИСАЛЕ-ЙИ ТАТАР-И ЛЕХ» («ТРАКТАТ О ПОЛЬСКИХ ТАТАРАХ» ИЛИ «ТРАКТАТ ПОЛЬСКОГО ПРОФЕССОРА»?)

До сих пор исследователи оперируют лишь одним татарским историческим текстом литовского происхождения, в котором рассказывается о происхождении и истории польско-литовских татар, — «Рисале-йи Татар-и Лех» («Трактат о польских татарах»)¹. Сочинение было будто бы написано в 1558 г. неизвестным татаринном во время хаджа для Рустем-паши — везира султана Сулеймана² и стамбульских вельмож, интересовавшихся положением единоверцев в Польше и Литве. Текст был введен в научный оборот профессором Санкт-Петербургского университета, вторым деканом Восточного факультета А. Мухлинским³. Оригинальный турецкий текст не сохранился, и судить о нем можно только по литографированному изданию (брошюрке в 23 страницы, выпущенной крайне малым тиражом в 1858 г.). Подлинность этого сочинения с самого начала его появления не вызвала у ученых никаких сомнений: без цитат из польского или русского перевода, выполненных самим проф. А. Мухлинским, до сих пор не обходится ни один труд по истории польско-литовских татар.

Только лишь В.Д. Смирнов осторожно отзывался о «Рисале»: «автор этого сочинения... истый мусульманин и татарский патриот, душевно скорбящий об утрате его соплеменниками чистоты своей веры и национальности». И далее: «Рисале написано на османском наречии, но слог речи обнаруживает в авторе человека, отвыкшего думать и выражаться чисто по-турецки: все сочинение сильно отзывается европейским образом мыслей и краткостью фраз, также более свойственной языкам европейским»⁴. Впрочем, дальше этого замечания В.Д. Смирнов не пошел: он довольно много цитировал «Рисале» и, судя по всему, не считал его подделкой.

Совсем недавно подлинность сочинения была (также весьма осторожно) поставлена под сомнение Стефаном Роуэллом. Он не решился на утверждение, что Рисале — явная подделка, хотя и дал одному из разделов своей статьи провокационное название «“Рисале-и Татар-и Лех” или “Рисале-и профессор-и Лех”»⁵. Сомнения Роуэлла сводятся к следующему: «Рисале» — единственный не религиозный текст польско-литовских татар; стиль изложения не «азиатский», а евро-

пейский; все сведения Рисале имеют параллели либо в текстах Литовской Метрики, либо в хронике Ибрахима Печеви; наконец, в сочинении акцентируется Польша, хотя, в действительности, речь идет о Литве, к тому же странно, что патриотически настроенный по отношению к литовцам и Витовту автор не употребляет термин *литка*⁶; наконец, говоря о предках литовцев, автор косвенно указывает на сарматов, что вряд ли может отражать знания татарского автора середины XVI в. К соображениям С. Роуэлла можно добавить ряд замечаний.

Обстоятельства появления и исчезновения рукописи: рукопись, переписанная в начале XVIII в. (она происходила, судя по печати, из собрания османского библиофила Рагиба-паши, умершего в 1763 г.)⁷ почерком *талиж* будто бы была прислана А. Мухлинскому через несколько лет после его путешествия на Восток (1834 г.) неким книготорговцем Эмином-эфенди и тут же исчезла. Рукописей польско-литовских татар старше XVII в. ни в одном собрании мира нет (старейший датированный манускрипт 1631 г.)⁸. Более того, все сохранившиеся имеют ярко выраженный религиозный характер (это молитвы и т.н. тефсиры: переводы-комментарии Корана). Исторических или хронологических текстов в этой традиции нет.

Язык сочинения: добавить к приведенным словам В.Д. Смирнова и С. Роуэлла почти нечего. Действительно, язык сочинения мало схож с известными нам образцами османской или крымской (равно, как и постзолотоордынской) исторической прозы XVI в. Кроме того, форма некоторых топонимов, которые употребляет автор «Рисале», весьма не типична. Например, Вильно называется «курси-и мемлекет» («престол государства»), Новогрудек представлен тюркской калькой «Йени шехир».

Текст: близость текста Рисале и сочинения Ибрахима Печеви заслуживает пристального внимания. Рукопись «Истории» последнего была в библиотеке Мухлинского и цитаты из этого текста профессор приводил именно по ней⁹.

Идейная направленность: Сомнения в подлинности «Рисале» возникают еще и потому, что идеи, выраженные в этом трактате, очень близ-

ки взглядам самого профессора. Основная идея трактата и исследований А. Мухлинского такова: «мудрая предусмотрительность Литовских государей наделяла Татар землями, покровительствовала их вере, и, в последствии времени, сравняла их с туземными дворянами, избавив от всех почти налогов. Для тогдашней современной эпохи это было дело большой смелости и ума высшего, крепкого». Татары же «со своей стороны, умели отплатить за эти благодеяния признательностью и верностью тому краю, в котором они были приняты не как пленные невольники, но как братья»¹⁰.

Ревностный католик и ярый патриот Польши, Мухлинский много занимался проблемами национальных меньшинств в крае и пи-

сал об этом: в 1851, 52 и 56 гг. он по поручению правительства инспектирует еврейские школы в Минской, Виленской и Ковенской губерниях, в 1860 г. является членом государственной комиссии по делам караимов¹¹. Не веривший в успех ассимиляционной политики Империи по отношению к евреям и предлагавший проект их религиозного образования, Мухлинский в своих трудах, посвященных татарам, постоянно подчеркивал их преданность Польше, утрату языка. Автор Рисале также касается еврейской темы, утверждая, что литовские татары беднеют, а евреи богатеют. К тому же трактат давал прекрасный материал для того, чтобы в сравнении с Московским государством показать Польшу и Литву оплотом толерантности.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См. *Muchliński A. Zdanie sprawy o Tatarach Litewskich // Teka Wilenska. #4–6. Wilno, 1858.* Несколько работ на русском языке того же автора: Исследование о происхождении и состоянии литовских татар орд. профес. турецкой словесности А. Мухлинского. СПб., 1857.

² Рустем-паша, хорват по национальности родом из Боснии (фамилия его была Опукович; хотя иногда встречается мнение, что он был албанцем), известный и как автор исторического сочинения, посвященного османской династии, был везиром Сулеймана дважды: с 951 по 960 г.х. (1544–1553) и 962–968 (1555–1561). Умер 28 шаввала 968 г.х. (11 июля 1561). О нем см. *Mehmed Süreyya. Sicill-i Osmanî. Osmanlı Ünlüleri (Eski Yazıdan Yeni Yazıya). Cilt 5. İstanbul, 1996. S.1402; Babinger Fr. Die Geschichtsschreiber der Osmanen und ihre Werke. Lpz., 1927. S.81 и след.*

³ О нем см. *Stanisz T. Antoni Muchliński, orientalista polski, 1808–1877 // Rocznik Tatarski. Zamość, 1935, t. II. S.302–326.* Я сознательно транскрибирую имя востоковеда как *Мухлинский* вместо устоявшегося русского написания *Мухлинский* как соответствующее нормам польского произношения.

⁴ *Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты до начала XVIII века. М., 2005. С. 147, прим.1.*

⁵ Т.е. «Трактат о польских татарах» или «Трактат польского профессора»: См. *Rowell Stephen C. Lietuva, tėvynė mūsų? Tam tikrą XVI a. LDK raštijų pavyzdžiai // Senosios raštijos ir tautosakos sąveika: kultūrinė Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės patirtis (Senoji Lietuvos literatūra. Knyga 6), Vilnius 1998. S. 123–137*

⁶ См. о нем подробно: *Зайцев И.В. Липка в восточных источниках // Восточная Европа в древности и средневековье. Восприятие, моделирование и описание пространства в античной и средневековой литературе. XVIII Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР Владимира Терентьевича Пашуто. Москва, 17–19 апреля 2006. М., 2006. С. 70–77.*

⁷ Рагиб Мухаммад-паша б. Шавки Мухаммад-эфенди (1699–1763) — великий везир Османской империи при Махмуде I (1730–1754). О нем и библиотеке см.: *Babinger Fr. Die Geschichtsschreiber der Osmanen und Ihre Werke. Leipzig, 1927. S.288–290; Hammer J. von. Geschichte des Osmanischen Reiches Band 9. Pest, 1833. S. 171, № 22; Базили К. Босфор и новые очерки Константинополя. Ч.1. СПб., 1836. С.144; Ч. 2. СПб., 1836. С. 221–224.*

⁸ *Drozd A., Dziekan M.M., Majda T. Piśmiennictwo i Muhiry Tatarów Polsko-Litewskich. Warszawa, 2000 (Katalog Zabytków Tatarskich. Tom III); Suter P. Alfurkan Tatarski — Der Litauisch-tatarische Koran-Tefsir. Köln, 2004 (рец. М.В. Hofmann'a на эту прекрасную книгу см. Journal of Islamic Studies. Vol.16 (3). 2005. p.357–359).* В этих публикациях можно найти ссылки почти на всю имеющуюся литературу по вопросу. См. также: *Рукапісы беларускіх татараў канца XVII — пачатку XX стагоддзя. 3 калекцыі Цэнтральнай навуковай бібліятэкі імя Якуба Коласа Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Мінск, 2003.*

⁹ Исследование о происхождении и состоянии ... С. 55–56, 60–61. В библиотеке СПбГУ хранится ныне 18 арабских рукописей из коллекции Мухлинского. О них см. *Дерягина Т.П., Фролова О.Б. Antoni Muchlinski and His Collection of Arabic Manuscripts in the St. Petersburg University Library // Manuscripta Orientalia. 1997. Т. 3, 4. С. 45–51; Дерягина Т.П., Фролова О.Б. Арабские рукописи из коллекции Антония Мухлинского в библиотеке Санкт-Петербургского университета. // Россия и арабский мир. Научные и культурные связи. Выпуск 3. СПб., 1998; Фролова О.Б., Дерягина Т.П. Между Невой и Нилом (о загадке одной арабской рукописи в библиотеке Санкт-Петербургского университета) (<http://www.orient.pu.ru/old/africa3.htm#4>).*

¹⁰ Исследование о происхождении и состоянии литовских татар ... С. 3–5.

¹¹ *Stanisz T. Op.cit. S.315.*

ЗАРЕЦКИЙ Юрий Петрович

(д.и.н., профессор кафедры истории философии
философского факультета, Государственный университет —
Высшая школа экономики)

Кацкари (Об одном реальном вымышленном воображаемом сообществе)

1. 7 января 2007 г. в программе «Время» на Первом канале ТВ был показан сюжет, называвшийся «Необычная встреча Рождества — в ярославской деревне, где живут кацкари». В сюжете были показаны селяне русской глубинки, как было сказано, составляющие некую особую общность, т.е. имеют свои обычаи, языковые особенности и историю, отличающие их от остального населения центральной России. Из сюжета следовало, что именно эти языковые, культурные, исторические особенности и позволяют им говорить о себе (и, по-видимому, также нам о них) как о «кацкарях».

2. О кацкарях можно было услышать и раньше, преимущественно из газетных публикаций, но также и из более надежных научных источников. Имеющиеся свидетельства дают основание заключить, что:

а. В начале 1990-х гг. у жителей одной из территорий Ярославской области — нескольких деревень вдоль р. Кадка — (или, по крайней мере, у их значительной части) стало формироваться представление о своей принадлежности к некой общности — «кацкарям». Эта общность в приведенных публикациях обозначается как «этническая» («этническое сообщество», «этнографическая группа», «субэтническая группа (народ)»).

б. Основой этой самоидентификации стало признание жителями бассейна р. Кадка существования *общей истории, обычаев и языка*, а также проявление живого интереса к ним, выразившегося в активном изучении кацкарских «корней».

с. Исключительно важную роль в складывании и укреплении новой идентичности сыграл (и продолжает играть) учитель Мартыновской школы *Сергей Николаевич Темняткин*.

д. Важнейшими «институтами», способствовавшими формированию новой кацкарской идентичности стали газета/журнал «*Кацкая летопись*» и «*Музей кацкарей*».

е. Обретшие новую (или вернувшие ранее утраченную?) идентичность жители деревень на р. Кадка (в особенности д. Мартыново) извлекают из нее заметные *материальные* (приток туристов) и *нематериальные* (невиданная для российской глубинки публичности) *выгоды*.

3. Что здесь следует считать «правдой», а что «вымыслом»? Какие процедуры необходимы для верификации источников истории кацкарей? Какие критерии подлинности в данном случае можно признать надежными? Можем ли мы в случае с кацкарями отграничить «реальность» от «мифа»? Наконец, какие силы и какие механизмы ответственны за появление «воображаемого сообщества» кацкарей?

Выступление приглашает к обсуждению этих вопросов в контексте общих проблем современного изучения национализма и национальных историй.

ИЛЬЯШ КАРАИМОВИЧ И ТИМОФЕЙ ХМЕЛЬНИЦКИЙ: КРОВНАЯ МЕСТЬ, КОТОРОЙ НЕ БЫЛО

В 1955 году, через два года после смерти Сталина и за год до XX съезда КПСС, в журнале «Вопросы истории» была опубликована научная заметка караимского востоковеда С.М.Шапшала «О пребывании Богдана Хмельницкого и его сына Тимофея в Крыму». В этой заметке Шапшал печатает сообщение об обнаружении им на полях венецианского караимского молитвенника 1528г. записи на татарском языке о попытке поселения Тимофея Хмельницкого в крымском городе Чуфут-Кале в 1648 г., а также об отказе караимской общины города принять Тимофея. В комментариях к своей публикации, Шапшал поясняет, что караимы находились с казаками в состоянии «кровной мести» из-за убийства теми полковника Ильяша Караимовича. Сам Ильяш Караимович, по мнению Шапшала, был караимом и продолжал поддерживать контакты с караимской общиной.

Немалые подозрения вызывают обстоятельства «находки» этой записи: Шапшал не приводит ни факсимиле документа, ни точного архивного описания экземпляра печатного караимского молитвенника 1528г., на котором якобы была оставлена эта рукописная записка. Его пояснение, что этот молитвенник принадлежал «некоему Каракашу из Бахчисарая» и что позднее он хранился «в караимской национальной библиотеке «Карай Битиклиги» в Евпатории», на наш взгляд, также не является достаточным и детальным. Данный молитвенник не был в распоряжении никакого другого караимского или не-караимского исследователя и его не видел никто другой, помимо Шапшала.

Более того, проведенные мною в 2001–2002 гг. архивные исследования позволили мне прийти к однозначному выводу, что автором этой фальсификации являлся сам Серая Шапшал. В апреле 2002 года во время работы в архивном фонде С.Шапшала в рукописном отделе библиотеки Литовской Академии Наук (фонд 143) в Вильнюсе мной был обнаружен личный дневник Шапшала (д.918), начатый им в Константинополе в 1927 г. Лицевая сторона второго листа дневника содержала сразу же вызвавший мой интерес документ

на крымско-татарском языке еврейской графикой. Данный документ, написанный рукой самого Шапшала, содержал две различных версии вышеупомянутой истории о попытке поселения Тимофея Хмельницкого в Чуфут-Кале. Верхний вариант, позднее отвергнутый и перечеркнутый Шапшалом, содержал качественно иную версию событий. Так там отсутствовал Сююн Ага, «Темиш Хмельницкий» (как звучит его имя во второй версии документа и в переводе, опубликованном Шапшалом) именовался «Тимоеем», и все события излагались в более сжатом виде. Нижняя, окончательная версия, практически полностью соответствует опубликованному Шапшалом переводу, но и там также заметны следы переноса слов с места на места, многочисленные вставки, поправки и т.п. Подобного рода описки, интерполяции и вариации абсолютно невозможны — в случае, если автор работает с оригинальным текстом, переписывая его с доступного ему архивного документа.

Представленные нами аргументы не оставляют никаких сомнений в том, что опубликованный Серая Шапшалом текст никак не мог быть оригинальным документом. Равно псевдо-историческим является также упоминающейся Шапшалом в тексте «документа» и в комментариях т.н. «культ священных дубов», никогда не практиковавшийся религиозными ригористами иудеями-караимами, а также созданные Шапшалом «топонимы» Чуфт-Кале и Балта-Тиймэз. Несомненно, что сюжет о мнимой попытке поселить Тимофея Хмельницкого в Чуфут-Кале и об отказе местных караимов принять его немедленно должен быть вычеркнут из исследований по истории запорожских казаков и крымских караимов как явная и несомненная фальшивка. Тимофей Хмельницкий, по всей видимости, вообще никогда не был в Крыму, караимы никогда не отказывали крымскому хану в попытке поселить в Чуфут-Кале знатных узников, а убитый в 1648 г. Ильяш Караимович никогда не поддерживал контактов с местной караимской общиной и, вполне вероятно, вообще не был караимом.

Приказано выжить! Влияние необульгарской идеи на жизнестойкость поддельного свода Джагфара*

Размышления Юлая Шамилоглу о «Джагфар тарихы» (далее — «ДТ») как вымышленном документе прошлого столетия в контексте изобретения бульгарской традиции вызвали у меня некоторые соображения, развивающие, впрочем, основные его наблюдения. Я, безусловно, согласен с тем, что полный научный комментарий к трём томам сочинений И. М.-К. Нигматуллина, или его сына, или ещё кого-то — дело бессмысленное и очень трудоёмкое. Это обстоятельство, конечно, будет использовано адептами и пропагандистами фальшивки для её дальнейшего продвижения в жизнь. Впрочем, если бы дело обстояло иначе, как, например, с «Влесовой книгой» или псевдонаучными творениями академика Фоменко, которые достаточно полно раскритикованы квалифицированными учёными, это мало что изменило бы.

Жизнь фальшивки прекращается со смертью идеи, ставшей импульсом к её созданию. Фальшивый частнособственнический акт становится бесполезен с национализацией или исчезновением собственности, о передаче которой в нём говорится. В этом смысле сборнику псевдобульгарских летописей уготована ещё весьма долгая активная жизнь. Объективная неясность этногенеза татар приводит к идейному разброду в современном Татарстане. Споры между бульгаристами и татаристами несколько утихли, но противоречия отнюдь не сняты. Эти противоречия порождают конструкты, подобные «ДТ».

В крайней версии бульгаризма, сформулированной Ф. Г.-Х. Нурутдиновым, домонгольская «бульгарская народность» не исчезла и развивалась наряду с другими тюркскими этносами региона. Золотая Орда и Казанское ханство относятся к «фальсификациям истории», а Бульгарское государство продолжало своё независимое существование в Среднем Поволжье непрерывно с VII до конца XVI века. Более того, древние бульгары построили Трою, основали Шумер, под именем этрусков заселили Италию, заложили Киев, а Русь с VII по IX век входила в состав Бульгарского государства¹. Такой подход определил особое от-

ношение бульгаристов к целому ряду событий истории, связанных с противостоянием Русского государства и тюрко-монгольских государств Поволжья. В этом ряду нашествие Батые, казанские походы и, конечно, Куликовская битва.

Не случайно, в отличие от общественности, выражающей негативное отношение к воспоминаниям о Мамаевом побоище, бульгаристы вовсе не видят на Куликовом поле предков современных казанских татар. «Надёжным источником» для столь впечатляющих обобщений выступает поддельная летопись «ДТ»². Естественно, что в самом этом «историческом источнике» имеется довольно нетривиальное — бульгарское описание Куликовской битвы³. Юлай Шамилоглу сделал ряд очень важных общих замечаний по тексту этой фальсификации, заставляющих добросовестного исследователя прошлого народов Поволжья сделать однозначный вывод о жанре этого писания. У многих исследователей возникнут и собственные частные замечания. Таковые возникли и у меня после прочтения раздела, посвящённого весьма близкому мне сюжету — рассказу о Куликовской битве.

В небольшом и крайне занимательном сообщении о сражении 1380 года войско Мамаю, благодаря удали маленького бульгарского отряда, уступающего вдвое противостоящей ему рати Дмитрия (по этому тексту едва ли её можно назвать русской), опрокинуло левый фланг противников. Бульгарин по имени Гараф из арбалета убил руководившего боем с русской стороны Михаила Бренка.

Казалось, победа уже близко, но Мамай совершил роковую ошибку. Он издал, с холма, «на котором находились развалины древней крепости Хэлэк», не рассмотрел, почему именно бульгары замедлили своё движение вперёд. Они просто встретили на своём пути болото, а темник принял это за проявление трусости. Мамай послал в бой отряд мангытов «подогнать бульгар ударом в спину». Но, оказывается, бульгары, выражаясь словами героя Фрунзика Мкртчяна из фильма «Мимино», испытывали к мангытам «такую личную нэпри-

* Опубликовано в журнале «РОДИНА» 2007 № 8

язнь, что даже кюшать нэ могли». В результате вместо того, чтобы вместе бить превосходящего вдвое противника, 20-тысячный отряд мангытов сцепился с 5-тысячной болгарской дружиной.

Но и это не сразу повлекло за собой поражение. Князь Дмитрий, называемый в этом тексте просто «бек», переодетый для собственной безопасности в одежду простого воина, увидев разгром своего левого фланга, обратился в бегство с кучкой приближённых. Когда князь мчался мимо леса, в котором скрывался засадный полк, свои приняли его за татарина и обрушили на Дмитрия одно из заранее подрубленных для сооружения завала деревьев. Болгарская хроника с сожалением констатирует: «Но бек всё же остался жив». Затем последовал не то чтобы сокрушительный удар русского Засадного полка. Однако это явление конников из леса произвело неизгладимое впечатление на командира войск центра ногайского князя Бармака, который «бросился прочь мимо остервенело бьющихся друг с другом болгар и мангытов... Мчась на большой скорости мимо них, Бармак крикнул во всю мочь о полном разгроме». После этого болгары и мангыты стали чинно покидать поле боя, продолжая «резаться друг с другом на ходу». Ценнейшей добычей русских стали две пушки, привезённые болгарами с собой, и их конструктор — мастер-оружейник Ас. Это, похоже, стало главным итогом Куликовской битвы для Москвы — именно из этих пушек они впоследствии стреляли по Тохтамышу со стен Кремля.

Вот такой образ сражения даёт нам болгарская псевдолетопись. Причины возникновения таких фальшивок понятны и хорошо известны — это не первая и, вероятно, не последняя историческая подделка. Не новы и методы создания. Хорошо видно, как необузданная фантазия автора сочетается с общей начитанностью или наслышанностью. Для достижения необходимого результата в море лжи всегда необходимо растворить несколько крупиц истины. В этом рассказе помимо авторской смекалки видны следы знакомства со сведениями позднего источника о Куликовской битве — «Сказания о Мамаевом побоище» или литературой, его пересказывающей (построение русских полков, переодевание Дмитрия и Бренка, обретение Дмитрия под сломанным деревом), правда, все эти сведения свежо и занятно интерпретированы.

Впрочем, настолько ли «свежа» эта трактовка? В 1864 году в «Календаре» Академии наук была опубликована статья Николая Ивановича Костомарова «Куликовская битва»⁴, послужившая началом бурной научной дискуссии, перипетии которой оживлённо обсуждались просвещённым обществом. У Костомарова получилось, что Дмитрий Донской, «как показывают все дела его, не отличался пылкой отвагой». Вывод был обос-

нован оригинально истолкованными «летописными» фрагментами. Историк объяснил обмен доспехами с Михаилом Бренком желанием князя избежать опасности, «...неразлучной с положением великого князя, особенно под великокняжеским знаменем, которое издавна привлекало удары врагов... Иной причины быть не могло»⁵. Но яростный гнев оппонентов вызвало резюме этого эпизода: «Но кажется, что Дмитрий нарядил своего боярина великим князем с тою именно целию, чтобы сохранить себя от гибели и ещё более от плена...»⁶ Следуя за текстом одной из позднейших редакций «Сказания о Мамаевом побоище» (Киприановской), помещённой в Никоновской летописи, Костомаров так изобразил поведение Дмитрия в битве: «Великого князя между простыми воинами сбили с коня, он сел на другого коня; но бросились на него четверо татар, сбили с коня, погнались за ним. Князь Новосильский оборонял его, Дмитрий почувствовал на своих доспехах несколько ударов, побежал в лес, запрягся под срубленное дерево и там улёгся чуть не без чувств»⁷.

Вероятно, Костомаров сознательно эпатировал учёную публику и понимал, какая последует реакция. В автобиографии он написал: «Дело было в том, что я, руководствуясь источниками, указал на такие черты в личности Дмитрия Донского, которые противоречили сложившемуся о нём и ставшему как бы казённым мнением как о доблестном и храбром герое княжеских времён. Против меня поднялась целая буря патриотического негодования»⁸.

Уже прославившийся ранее непатриотичными выводами в отношении личности Ивана Сусанина⁹, Костомаров вновь навёл на себя обвинения в злонамеренности освещения важнейших событий русской истории. Историк воплотил в этом исследовании собственное кредо: никто не лишён недостатков, люди — существа противоречивые и право историка изображать их личности во всей совокупности черт характеров, невзирая на то, кем были эти личности для современников и потомков.

Важнейший свой методологический принцип Николай Иванович сформулировал так: «В важных исторических событиях иногда надобно различать две стороны: объективную и субъективную. Первая составляет действительность, тот вид, в каком событие происходило в своё время; вторая — тот вид, в каком событие напечатлелось в памяти потомства. И то и другое имеет значение исторической истины: нередко последнее важнее первого. Так же и исторические лица у потомков принимают образ совсем иной жизни, какой имели у современников. Их подвигам даётся гораздо большее значение, их качества идеализируются: у них предполагают побуждения, каких они, быть может, не имели вовсе или

имели в гораздо меньшей степени. Последующие поколения избирают их типами известных понятий и стремлений»¹⁰.

Этот посыл Н. И. Костомаров блестяще иллюстрировал разоблачением официальной легенды о Сусанине, доказав, что, произвольно трактуя тот или иной документ, можно сильно удалиться от истины. Но, к сожалению, источниковедческое мастерство отказало Николаю Ивановичу в его изыскании о Куликовской битве. Уязвима была сама источниковедческая аргументация историка, на что и указал Михаил Петрович Погодин, привлечший те же источники, иначе их интерпретировав. Сегодня, имея уже иные возможности и иную совокупность сведений, мы можем снисходительно хихикать над нашими великими предшественниками, «с пеной у рта» спорившими об интерпретации легендарных известий поздних источников. Но едва ли это правильно. Кстати, сам Костомаров впоследствии пришёл к выводу, что в случае с Куликовской битвой не стоило так доверять спорному отрывку летописи. Сомнения и терзания историка забылись, а его оригинальная интерпретация событий Мамаева побоища, как видим, продолжает свою жизнь в новейших «древнебулгарских летописях».

Не исключено, что «ДТ» — подделка совсем недавняя, так как некоторые его пассажи отдают ни с чем не сравнимым этнопассионарным винегретом Льва Гумилёва. Подобно «последнему евразийцу», увековеченному в памятнике на Петербургской улице в Казани, авторы «Казанской истории» в кратком отрывке разворачивают захватывающую солянку из разновременной смеси народов, этно-социальных групп, частных мотиваций групповых действий и глобальных последствий, вытекающих из «личной нэприязни». Правда, если это так, то и гумилёвские построения были освоены автором «Казанской истории» строго в соответствии с современным национальным интересом Великой Булгарии. Забавно читать о генетической неприязни булгар к ногаям, особенно если принять во внимание, что это самоназвание у последних возникло уже после Куликовской битвы и связано с именем Едигея.

Много интересного «ДТ» предлагает и для других новых суверенных государств, ищущих собственную идентичность. Так, в рассказе о Куликовской битве среди воинских контингентов Мамаея упоминаются «анчийские казаки». Без особых пояснений невозможно понять, что за этнографическая группа имелась в виду. Не соотносить же её с ачинскими казаками Сибирского казачьего войска XIX–XX столетий! Но приложенный к «историческому своду» словарь древнебулгарских терминов объясняет, что анчийцы — это первоначально гуннские части из иранцев,

славян и болгар Украины, охранявшие границы Украины и ходившие в походы вместе с гуннами; впоследствии — украинцы¹¹. Блок в своё время определил российскую идентичность словами «Да, Скифы мы!». Вероятно, теперь Союзу писателей Украины придётся создавать гимн гуннам.

Забавное объяснение «ДТ» даёт известию о том, как бек — он же князь Дмитрий оказался под сломанным деревом. Оказывается, воины Засадного полка, скрывавшиеся в дубраве, посекали деревья для организации лесного завала. Это действительно хороший приём для того, чтобы заставить конного противника спешиться и замедлить ход на лесной дороге, где открытое пространство легко перекрывается стволом упавшего дерева. Какой смысл подрубать деревья воинам, чья тактическая задача состояла в том, чтобы до поры скрыться с глаз неприятеля за лесом, а затем, в нужный момент, вступить в бой в открытом поле? «ДТ» этого не объясняет.

Для создателей таких «свидетельств прошлого» придирки, подобные моим, — хлеб насущный. Завяжется дискуссия о подлинности, а там, как говорится в старом анекдоте: «Не то он украл шапку, не то у него украли шапку»... В результате — источник заживёт! Это главное. Вот и «ДТ» уже живёт. На основе этого «источника» в Казанском государственном педагогическом университете создан и опубликован курс лекций по истории татарского народа¹². Автор, вводя в свои лекции этот «источник», заменяет его источниковедческий анализ следующим пассажем: «В дополнение к известным русским источникам мы используем информацию о Куликовской битве, содержащуюся в труде известного поэта, историка XVI века Мухаммедьяра (он же Бу-Юрган) «Казан тарихы» («Казанская история»). Использование сведений из ранее неизвестного широкому кругу читателей, а также специалистам-историкам позволит (так в тексте. — А. П.), на наш взгляд, осмыслить одни аспекты истории Куликовской битвы и переосмыслить другие»¹³. Очень символично, что автор лекций забыл назвать это «ранее неизвестное широкому кругу» НЕЧТО источником. Впрочем, занятен и его список «известных русских источников». Во всей главе о Куликовской битве помимо упомянутого сочинения Бу-Юргана использовано десять работ. Это книги С. Ф. Платонова, С. М. Соловьёва, историко-библиографические очерки С. В. Бушуева и Г. Е. Миронова, справочник Б. Г. Пашкова, статьи и монографии М. Н. Тихомирова, М. Каратеева, В. Шавырина (эссе о Неделимом поле, напечатанное в 1997 году в «Родине»), М. Г. Сафаргалиева, А. Н. Кирпичникова и, конечно же, Л. Н. Гумилёва. Любопытно, что из десяти «русских источников» четыре не использованы ни разу. Три (Соловьёв, Сафаргалиев и Кирпичников) привлечены к освещению вопроса о численности войск (от 1 до

3 ссылки). Гумилёв (3 ссылки) и Шавырин (5 ссылки) используются для подтверждения деталей собственной гипотезы. В качестве русской летописи выступает биографический справочник Пашкова (28 ссылки). Бу-Юрган использован ровно 30 раз. Подсчёт ссылок — не простое буквоедство: арифметика даёт наглядное представление о главном источнике автора. Исчезают иллюзии о том, что в лекциях для будущих педагогов использован хоть какой-нибудь подлинный исторический источник.

Подробно перелагая подделку, лектор учит — «не следует забывать, что описание выигранных или проигранных сражений минувших эпох не должно подпитывать шовинистические настроения у нынешних и грядущих поколений, формировать у них представления о превосходстве одного народа над другим»¹⁴. Полноте! Откуда взяться этим шовинистическим представлениям? Читайте разные книги «ДТ» и увидите, в частности, какой именно народ сохраняет своё лицо в противостоянии предводителя-труса с военачальником-идиотом. Видимо, в такой патовой ситуации только болгары и могли показать себя с лучшей стороны, победив всех врагов, причём по обе стороны фронта.

Одерживать воображаемые победы в вымышленных битвах, описанные в выдуманных источниках, не трудно, особенно если очень хочется. Этот мотив мне понятен. Но зачем рекламировать подобные подделки в рамках серьёзных научных дискуссий. Я был крайне удивлён, когда в 2005 году на конференции в ГИМ, посвящённой Куликовской битве, услышал обсуждение известий «Казан тарихы» в таком духе: мол, конечно, история этого памятника не до конца ясна, но ряд сведений весьма интересны¹⁵. Затем последовала публикация доцента рязанской Академии права и управления Федеральной службы исполнения наказаний И. А. Гагина, в которой выводы об исторической достоверности ряда сведений «ДТ» звучат ещё более отчётливо¹⁶.

Гагин излагает «каноническую», то бишь предложенную создателями фальшивки версию создания и «обретения» псевдоисточника. Признаёт её правдоподобной. Потом — указывает на общие (отмеченные уже во введении Нурутдинова) слабости публикации: «не отвечает академическим требованиям»; опубликована в переводе на русский язык; даты хиджры переведены в юлианское летоисчисление. Именно эти моменты, по мнению создателей и пропагандистов «Свода», должны были вызвать сомнения учёных в подлинности. Исходя из этого, и составлена легенда об «обретении» псевдоисточника. Замечу, что, конечно, перечисленные здесь обстоятельства не добавляют доверия к документу. Но заключение о поддельности «ДТ» не связано только с этими фактами.

Далее Гагин пишет, что «однако многое говорит и о подлинности определённой части издаваемого перевода «ДТ». Прежде всего, его большая информативность»¹⁷. Информативность, несомненно, большое достижение. Но когда она выступает единственным критерием подлинности источника, могут произойти смешные метаморфозы. Думаю, что даже «ДТ» по своей информативности не сможет сравниться с эпопеей Толкиена «Властелин колец». Но является ли цикл романов об отважном хоббите и истории Средиземья историческим источником?

Изложение рассказа «Казан тарихы» о Куликовской битве Гагин сопровождает краткими комментариями. Ах! В «источнике» содержится упоминание о пушечном мастере Асе и болгарских туфангах! «Если верить Мохаммеду Бу-Юргану, у болгар в описываемое время уже было огнестрельное оружие...» Подумайте только, умиляется наш «наивный» исследователь «версии участия волжских болгар в Куликовской битве», в тексте упоминается болото! А ведь только новейшие исследования ландшафта Куликова поля показали «возможность наличия болотистых местностей в низинах». Невероятно, но «наш источник» под именем Артан упоминает Литву! Значит, и о ней знал! Удивлению Гагина нет предела — и о привилегированности мангытов ведаёт! Естественно, что наш «доверчивый» источниковед делает вывод, «что автор строк вполне мог быть либо очевидцем события, либо писал на основании впечатлений очевидца». Конечно! Откуда же ещё можно было почерпнуть такой эксклюзив?!

Мне всё представляется не столь умилительным и очевидным. Во-первых, мы знаем лишь точную дату публикации подделки — 1993 год, но не знаем точного времени её создания. Без дополнительных документов и свидетельств об обстоятельствах её создания мы этого точно и не узнаем. Можно говорить лишь о том, что, как правило, момент создания фальшивки, предназначенной для широкого круга потребителей, отделяет от момента её обнародования весьма незначительный промежуток времени (не более десятилетия). В нашем случае временем создания «ДТ» является вторая половина прошлого века (это максимальная древность данного «документа»). Поэтому все уникальные сведения, так восхитившие Гагина, авторы (они же «очевидцы») могли почерпнуть в специальной и популярной литературе о Куликовской битве XIX и большей части XX столетий. Первые итоги наблюдений палеогеографов и палеоботаников о ландшафте древнего Куликова поля были обнародованы Н. А. Хотинским в 1983 году¹⁸. Это к вопросу об упоминании болота. Впрочем, вывод о возможности наличия болотистых местностей в низинах балок мог сделать любой наблюдательный

человек, знакомый с природой в бассейне Волги и Дона. Интереснее не то, откуда авторы столь «информативной» «ДТ» взяли известную всем информацию, а то, почему они выпустили из вида другую — не менее существенную. Ведь об огнестрельном оружии у болгар известно и до Куликовской битвы. Информация об этом русских источников связана с взятием Болгара великокняжеским войском в 1376 году. Вероятно, это событие не является надлежащим контекстом для презентации технологического приоритета болгар.

Любые дискуссии с любителями фальшивок по частным вопросам всё равно сведутся к общему ценностно-идеологическому восприятию проблемы. Так происходит и с первым «независимым» исследователем «ДТ» Гагиным. Он резюмирует, что основной причиной неприятия «ДТ» учёными «является та ситуация, которая побудила бахши Имана приступить к составлению свода». Поясню, что ситуация эта — башкирское восстание 1680-х годов. Бахши Иман — секретарь канцелярии сеида Джагфара (отсюда и наименование всего свода, объединившего различные летописи, включая «Казан тарихы», которые были доступны в тот момент идеологам башкирского освободительного движения). Гагин считает, что помимо передачи подлинных источников Иман кое-что присочинил во славу Великой Независимой Булгарии. Вот поэтому вьедливые

источниковеды и обиделись. Такая постановка вопроса позволяет говорить, что в основе «свода» лежат всё же подлинники, на которые наслонились небольшие выдумки Имана, ошибки при переводе на русский язык и несуразности, связанные с переписыванием и восстановлением сгинувшего списка «ДТ» сыном последнего его хранителя. В перспективе и при определённом огрублении деталей такая постановка вопроса подменяет археографическое отношение к этому тексту идеологическим: мол, противники «ДТ» не признают славного исторического прошлого Великой Булгарии. А это уже напрямую связано с отмеченным Юлаем Шамилоглу конструированием новейшей болгарской идентичности и к подлинной истории отношения не имеет.

Востребованность необульгарской идеи в современной России предопределяет ответ о витальности этой подделки. Брюзжание учёных буквоедов и разбор очевидных признаков фальшивки не играют в идеологическом процессе никакой роли. Единственный итог научной критики состоит в дезавуировании такого текста как исторического источника и маргинализации сферы его использования, что делает его невозможным в построении научного доказательства. При этом, к большому сожалению, фальшивки, подобные «ДТ», сохраняют своё влияние в общественно-публицистическом поле.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Нурутдинов Ф. Г.-Х. Родиноведение (методическое пособие по истории Татарстана). Казань. 1995.
2. Шнирельман В. А. Интеллектуальные лабиринты: очерки идеологий в современной России. М. 2004. С. 343.
3. Мохаммедьяр Бу-Юрган. Бу-Юрган китабы (Казан тарихы). Книга Бу-Юргана (Казанская история)//Бахши Иман. Джагфар тарихы. Свод болгарских летописей. Т. 1. Оренбург. 1993. С. 217–219.
4. Месяцеслов на 1864 г. СПб. 1864. С. 1–24.
5. М. П. Погдину. Ответ на замечания на мою статью «Куликовская битва», напечатанные в № 4 «Дня»//Голос. 1864. № 2.
6. Костомаров Н. И. Исторические монографии... М. 1867. С. 34.
7. Там же. С. 36.
8. Костомаров Н. И. Исторические произведения. Киев. 1990. С. 597.
9. Костомаров Н. И. Иван Сусанин//Костомаров Н. И. Исторические монографии и исследования. М. 1863. Т. 1. Poleмику с Н. И. Костомаровым см.: Погдин М. П. Борьба не на живот, а на смерть с новыми историческими ересями. М. 1874; Дорогобужин М. Ещё отповедь г-ну Костомарову по поводу статьи «Правда о Сусанине»//Русский архив. М. 1871. № 9; М. 1872. № 10.
10. Костомаров Н. И. Исторические монографии... М. 1863. Т. 1. С. 479–480.
11. Джагфар тарихы. Т. 1. С. 349.
12. О событиях Куликовской битвы см.: Мифтахов З. З. Курс лекций по истории татарского народа (1225–1552 гг.). Вторая часть. Казань. 2002. С. 256–278.
13. Там же. С. 259.
14. Там же. С. 258.
15. Гагин И. А. Волжские болгары на Куликовом поле (по материалам болгарских сказаний)//Программа всероссийской научной конференции «Куликовская битва в истории России (к 625-летию сражения). Москва — Куликово поле. 12–14 октября 2005 г.».
16. Гагин И. А. Версия участия волжских болгар в Куликовском сражении//Сборник Русского исторического общества. № 10 (158). М. 2006. С. 475–481.
17. Там же. С. 478.
18. Хотинский Н. А. Ковыль Куликова поля. М. 1983.

ПОДДЕЛКИ ЖАЛОВАННЫХ ГРАМОТ В РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОЙ СЕВЕРНОЙ ИНДИИ

Индийские раннесредневековые жалованные грамоты на медных табличках (далее — ЖГ) вплоть до начала XX в. считались в ряде районов Индии весомым аргументом при решении имущественных споров в традиционном суде. Не случайно, поэтому, те, кто выпускал их, старались защитить их от подделывания. Для этого служили

- материал документа: медь, которая в древней и средневековой Индии считалась ритуальным металлом;
- печать, скреплявшая документ;
- имя (подпись) правителя, выпускавшего документ;
- имена и титулы составителя и изготовителя (гравера, который обычно был из касты придворных ювелиров)

Эти предосторожности имели следствием то, что в раннесредневековой Северной Индии зафиксированные подделки ЖГ были относительно редки.

В составленной к сегодняшнему дню базы данных ЖГ, насчитывающей более 1000 записей, к неаутентичным документам можно отнести

лишь 12, из них только два можно определённо считать подделками. Из последних один документ, по заключению исследователя, издавшего его, был сфабрикован во второй половине XIX в., а о другом, относящемся ко времени правления династии Гахадавалов (XII в.), имеется свидетельство написанное на камне, в котором правитель предупреждает жителей окрестностей, что этот документ — подделка.

Остальные 10 документов несут в себе определённые несоответствия, которые, однако, не позволяют с большой определённой уверенностью утверждать, что они являются бесспорными подделками, особенно если учесть то обстоятельство, что некоторые ЖГ иногда подвергались переписыванию, в силу тех или иных обстоятельств (подтверждение новым правителем, обновление документа, повреждённого при пожаре и т.п.).

Вместе с тем наличие такого рода документов в общем массиве представляет, несомненно, большой интерес для исследователя, позволяя использовать этот материал для решения ряда общих проблем (в частности, проблемы соотношения типичного / нетипичного, и т.д.)

АВРААМ ФИРКОВИЧ И ФАЛЬСИФИКАЦИИ КРЫМСКИХ НАДГРОБНЫХ ПАМЯТНИКОВ

Доклад посвящен деятельности выдающегося караимского собирателя древностей Авраама Фирковича (1787–1874) — первого человека, начавшего в середине 19 в. в массовом порядке собирать еврейские рукописи, которые, отчасти, при жизни коллекционера (Первое собрание, 1863 г., и Самаритянское собрание, 1870 г.), а отчасти после его смерти (Второе собрание, 1875 г.) были приобретены Императорской публичной библиотекой (ныне — Российская национальная библиотека) в Санкт-Петербурге (общая численность коллекции Фирковича, значение которой для мировой науки трудно переоценить, — более 15000 рукописей и фрагментов, охватывающих самые разные сферы еврейской истории и культуры), а также изучать старые еврейские кладбища.

Вместе с тем, Фиркович за 35 лет своей разноплановой деятельности (основной этап которой начался в 1839 г.), по сути, «переписал» историю крымских караимов, опираясь на «найденные» им колофоны на рукописях и надгробные камни с крымских караимских кладбищ (наиболее древний надгробный памятник на кладбище Чуфут-Кале, по Фирковичу, датируется 6 г. н. э.) Согласно его концепции, предками крымских караимов были евреи, угнанные в ассирийский плен в 8 в. до н. э., которые позднее, при персидском царе Камбизе (6 в. до н. э.) отвоевали у скифов Крым, где и поселились с тех пор. Впоследствии они, якобы, обратили в иудаизм хазар (могилу легендарного Исаака Сангари, согласно еврейским средневековым источникам, обратившего в иудаизм хазарского царя, Фиркович также «обнаружил» на кладбище Чуфут-Кале). Цель создания этой концепции состояла в доказательстве того, что на рубеже христианской эры предки крымских караимов уже проживали в Крыму и, таким образом, они не несут «ответственности» за распятие Иисуса.

Эти идеи были в целом благожелательно приняты властями, и в конечном итоге привели к тому, что еще при жизни Фирковича караимы в законодательном порядке были отделены от евреев и им были предоставлены полные гражданские права в Российской империи. Следующие поколения деятелей караимкой общины (в первую очередь, Серайа Шапшал (1873–1961)) пошли дальше и разработали национальную мифо-

логию, в которой значительная роль отводилась концепции хазарского происхождения крымских караимов (впервые эта идея была выдвинута, отчасти на основании находок Фирковича, русским востоковедом Василием Григорьевым в 1843 г.), якобы, не имеющих к евреям никакого отношения (парадоксальным образом, эта мифология спасла крымских караимов от уничтожения в годы Второй мировой войны).

Отдельные сомнения в подлинности находок Фирковича высказывались еще при его жизни, но бурная полемика на эту тему (основными участниками которой стали два ведущих российских гебраиста — Даниил Хвольсон и Авраам Гаркави) разразилась только после его смерти. Гаркави обвинил Фирковича в подделке нескольких десятков приписок к рукописям, а также всех надгробных камней, датируемых периодом ранее 13 в. н. э.

Полемика на эту тему, то затихая, то усиливаясь, продолжалась более столетия, и единственным способом окончательно разрешить эту проблему было полное описание и каталогизация караимского кладбища Чуфут-Кале.

Решить эту задачу удалось в последние годы международному коллективу исследователей и студентов под руководством автора данного доклада. В настоящий момент завершены полевые работы, в ходе которых зафиксированы все эпитафии, сохранившиеся на кладбище, и готовится к публикации их каталог. Всего на кладбище насчитывается около 7000 надгробных камней, из которых около 3420 имеют эпитафии (общий объем текстов эпитафий составляет более 16 п. л.) Древнейшие сохранившиеся эпитафия относятся к 1364 и 1387 гг., 24 эпитафии датируются 15 в. (8 из них сохранились лишь в копиях, сделанных Фирковичем и Хвольсоном на месте спиленных и увезенных в Петербург эпитафий), около 70 — 16 в. Большая часть надгробий принадлежит 17–19 вв.

Из 546 эпитафий, опубликованных Фирковичем в его книге «Сэфер Авне Зиккарон Ливней Исраэль» («Книга памятников сынов Израиля», Вильна, 1872 г.) сохранилось более 400. В более чем 200 эпитафий Фиркович внес те или иные изменения, преимущественно, в даты (обозначаемые буквами еврейского алфавита). В 130 надписях был применен простейший способ

фальсификации — изменение буквы ѿ в Ѡ, с помощью чего достигается удревнение надписи на 600 лет. В остальных использовались более сложные способы — изменение хроно стихов, отдельных слов или фраз, использование несуществующих систем летоисчисления, и др. Несколько

эпитафий, по всей видимости, были фальсифицированы полностью.

В ходе доклада на конкретных примерах будут продемонстрированы различные методы, применявшиеся Фирковичем для изменения датировок надгробных надписей.

«ДЖАГФАР ТАРИХЫ». КАК ИЗОБРЕТАЛОСЬ БУЛГАРСКОЕ САМОСОЗНАНИЕ*

Во время моего визита в Казань в июне 1998 года произошёл забавный случай. Я прибыл в Казань на конференцию, посвящённую источниковедению истории Золотой Орды. Последнее обстоятельство ясно характеризовало меня как специалиста в области татарской истории. Во время конференции ко мне подошли местные жители (не из числа учёных, принимавших участие в конференции), которые рассказали мне, ничего не подозревавшему гостю, о неизвестной истории булгар Поволжья. Первым делом они заявили, что считают себя булгарами, а не татарами. Пожилой мужчина вообще назвал себя членом клана Дуло. Утверждение это меня поразило. И к нему я ещё вернусь позже.

Самая волнующая подробность, открытая мне, заключалась в том, что существует свод источников болгарской истории, сохранённый на протяжении XX века, но впоследствии скрытый органами КГБ. По словам моего собеседника, эти материалы появились вновь лишь недавно и были неофициально опубликованы в трёхтомном издании под названием «Джагфар тарихы» (или «История Ягфара»). Написал их Бахши Иманом в 1680 году. Один экземпляр этого сборника мне посчастливилось купить¹. Эти материалы, претендующие на роль подлинных исторических источников IX–XVII/XVIII веков, рассматриваются в роли первостепенного, скрытого от общественности исторического наследия болгарского народа, который сегодня, по мнению некоторых, получил ошибочные названия «казанских татар», «волжских татар» или просто «татар».

История казанских татар, современной мусульманско-тюркской народности средневожского региона, обычно рассматривается в виде сложной и порой противоречивой цепи самосознания: волжские булгары, мусульмане, татары и казанские татары. Самым близким к себе звеном в этой цепи казанские татары считают волжских булгар, средневековую тюркскую народность. Тем не менее источники погребальных надписей волжских булгар указывают на более близкое сходство их языка с языком современных чуваш, а не казанских татар².

Второе звено в этой цепи — ислам. Из книги путешествий Ибн Фадлана явно следует, что

волжские булгары приняли ислам уже приблизительно до 922 года. В то время как все татары — мусульмане (исключением являются лишь татары-кряшены, то есть татары, насильно обращённые в христианство после завоевания Казанского ханства в 1552 году), современные чувашы не имеют никаких доказательств того, что когда-либо в своей истории они были мусульманами. Современные татары считают традицию своего мусульманства непрерывной с X века.

Следующее звено в этой цепи — историческое использование этнонима *татары*. Несмотря на то что этноним татары встречается в древнетюркских надписях (расшифрованных только в конце XIX века), обычно казанские татары связывают раннее использование этого названия с государством, известным как Золотая Орда. Его население в источниках XIII–XIV веков называлось как монголами, так и татарами³. В XV–XVI веках это название также ассоциировалось с населением Казанского ханства и других государств позднего золотоордынского периода⁴. Последнее звено в этой цепи самосознания — современные казанские татары, которые рассматривают своё прошлое данной последовательностью определений и которые живут на территориях, имеющих отношение к Волжской Булгарии, Золотой Орде и Казанскому ханству.

Я предположил, что эта широко известная цепь самоопределений была канонизирована в качестве национальной исторической традиции или национального мифа казанских татар в XIX веке Шигабутдином Марджани (1818–1889), отцом национальной истории казанских татар⁵. Поскольку Марджани был первым, кто преподнёс эту цепочку самоопределений до татарской аудитории на её родном языке в качестве сформулированной теории о территориальной нации современных казанских татар, он должен считаться отцом современного национального самоопределения казанских татар. После появления в Татарстане русского перевода моей статьи на эту тему произошёл настоящий взрыв интереса среди татарских учёных, последователей Марджани — первого национального историка. И действительно, трудно найти более ранний

* Опубликовано в журнале «РОДИНА» 2007 № 8

пример такой национальной истории где-либо ещё в тюркском мире.

Другими словами, сегодня мы можем представить себе самосознание казанских татар в форме современного конструкта точно так же, как и национальное сознание любой другой народности в Европе, Азии, Африке, Северной или Южной Америках. Как в любом подобном конструкте, необходимо немного убеждённости для того, чтобы находить объяснения огромного количества противоречий, его составляющих. Как и любой подобный конструкт, он развивается с течением времени. Это видно на примере эволюции идеи территориальной нации современных казанских татар вплоть до формализации татарской национальности в ТАССР в составе СССР и до попыток переосмыслить роль Татарстана в Российской Федерации сегодня. В конце концов, как и любой подобный конструкт, он неминуемо оспаривается и подвергается сомнению.

Происхождение различных болгарских государств связано с государством Кубрата (*Qobrat/Qubrat*), располагавшемся на реке Кубань в Причерноморских степях в первой половине VII века⁶. Потомки Кубрата разделились на несколько групп — первая мигрировала в Камско-Волжское устье, чтобы образовать там Булгарское государство, подвластное Хазарскому государству. Другая группа осталась на Северном Кавказе (возможно, это были предки сегодняшних балкар Северного Кавказа). Наконец, третья группа в VII веке эмигрировала на Балканы. Последняя образовала Дунайское Болгарское государство в союзе с местными славянскими племенами под властью хана Аспаруха (приблизительно в 681–700 годах). Придунайские болгары сохранили лишь некоторые характеристики своего первоначального тюркского языка и культуры, так как они вскоре славянизировались.

Трудно проследить независимое существование волжских булгар после завоевания и интеграции Волжской Булгарии в состав Золотой Орды. Сначала вслед за появлением людей, говорящих на кипчакском наречии, народ попал под монгольское иго, а затем к концу XIV века чума полностью трансформировала этническую и лингвистическую природу населения Поволжья. Поэтому после этого исторического момента затруднительно даже представить себе существование волжских булгар.

Тем не менее имя *булгар* продолжало занимать особое место в истории народов Поволжья⁷.

Вопрос о существовании общинного самосознания волжских булгар в XVI–XIX веках требует дальнейшего детального рассмотрения. Я не убеждён, что оно когда-либо существовало. Попытки же отдельных мыслителей XVIII–XIX веков защитить его во взаимосвязи с мусульманским прошлым представляют собой обратный пример нарушения связи с прошлым.

Является ли издание сборника материалов, известное под названием «Джагфар тарихы», важной вехой в изучении волжских булгар и их потомков, или же это продуманная фальсификация, предпринятая с целью подкрепления аргументов современных защитников булгарского национализма? Я не согласен с тем, что данная работа является несомненной сплошной фальсификацией. Возможно, это продолжение традиции более ранних фальсификаций истории булгар⁸.

Фальсификация документов, исторических источников и других памятников материальной культуры — распространённый феномен⁹. В досовременный период подделка документов могла служить для поддержки законных действий. В более поздние же периоды подделки знаменитых произведений искусства становились слишком известными. Как я уже упоминал выше, скорее всего, «булгарская» история XVIII–XIX веков являет собой лишь попытки отобразить фиктивную связь с исламским прошлым. Тем не менее в XX веке фабрикация исторических источников (в том числе и археологических) может происходить с разной целью, а обычно с целью подтвердить современные заявления о древней исторической взаимосвязи сторонниками современных наций¹⁰. Таким образом, данный феномен часто является продуктом роста числа национальных идеологий, современного процесса, появление которого часто связывается с периодом французской революции. Источники, сфабрикованные сторонниками территориальных наций, настолько вплетаются в национальные мифы страны, что становится трудно установить реальный ход истории¹¹. Ещё один интересный пример представлен в работе Шоры Ногмова «История адыгейского народа». Очевидно, что это произведение, написанное до периода подъёма на Кавказе национальных идеологий, во многом повторяет исторические работы Карамзина с целью создать местную историческую традицию своего северокавказского народа¹².

«Таинственное» исчезновение «древних» исторических работ идёт рука об руку с подделкой исторических источников. Продолжается долгий спор о том, было ли написано «Слово о полку Игореве» (уникальная рукопись которого пропала во время пожара в Москве в 1812 году) вскоре после событий 1185 года, описанных в произведении, позднее в средневековый период или же даже в XIX веке, в качестве научной фальсификации¹³. Ф. Нурутдинов в своём введении к публикации «Джагфар тарихы» (у меня также вызывает недоверие отнесение данной работы к волжско-булгарскому периоду), чтобы подкрепить своё утверждение о подлинности потерянных материалов, явившихся первоосновой для «Джагфар тарихы», также заявляет о загадочном исчезно-

вании в 1920 году рукописи Кыссаи-Юсуф, написанной Мухаммадом Гали¹⁴.

«Джагфар тарихы» — это явная попытка объединения ссылок на путешественников, известных из других источников. Например, глава 8-я «Гази Барадж тарихы», под названием «Прибытие великих *послов*», содержит информацию о прибытии из Халифа послов Ахмеда Ибн Фадлана (около 922)¹⁵. Глава 18-я этого произведения «Булгары и правление Кольша и Анбала» содержит информацию о прибытии Абу Хамида аль-Гарнати (1153)¹⁶. Это частичное совпадение с известными источниками было использовано в качестве аргумента в доказательство подлинности «Джагфар тарихы».

В «Джагфар тарихы» также содержится информация из других неоднозначных источников. Глава 3-я «Период болгарского балтавара» упоминает Дуло, известного ещё только по дунайско-болгарскому «Списку правителей». Кроме того, «Джагфар тарихы» повествует о сомнительных исторических личностях, встречавшихся в ранних вариантах «болгарской» истории, например у Муслими в «Таварих-и Булгария». Ещё один пример — имя Барадж, которое можно встретить в ранних «болгарских» источниках и более поздних генеалогиях (шаджара), в «Джагфар тарихы» принадлежит важной фигуре, Гази Бараджу. В то же время М. А. Усманов считает появление необычного имени «Барадж» в «Таварих-и Булгария» уникальным для средневековой татарской литературы¹⁷.

Материалы «Джагфар тарихы» представляют собой и другие исторические проблемы, включая анахронизмы, слишком многочисленные для освещения в данном эссе. Как можно объяснить столь раннее появление этнонимов «татар», «куман» и др. в болгарской истории VII–X веков, как это представлено в данном произведении? Были ли первые хроники, о которых здесь упоминается, написаны на арабском, персидском или тюркском языках? Так как в VII–X веках не было исламско-тюркской литературы, то и другие использованные в документе средневековые «болгарские» источники, с хронологической точки зрения, представлены здесь слишком рано относительно остальной мусульманско-тюркской литературы¹⁸.

Также вызывает любопытство, как «изобретательный» переводчик этого произведения, судя по всему любитель, смог автоматически преобразовать все даты хиджры досовременных исламских текстов на григорианское летоисчисление во время перевода на русский язык? Нет необходимости замечать, что один год хиджры часто соотносится с двумя григорианскими годами. Этот аспект перевода одного летоисчисления в другое никак не отражён в работе.

Связь с уже существующими историческими материалами представляет для автора данного

собрания сочинений филологические ловушки. Например, в главе 3 «Период болгарского балтавара» и главе 4 «Правление чёрных болгарских *беков*» форма *балтава* означает официальный болгарский титул. Несмотря на то что дефектная форма *балтавар* была известна из источников, в последнее время тюркологи сходятся во мнении, что данная форма, по сути, является восстановленной от *el tábär* > болгарского *yültever*. Источник, претендующий называться внутренним болгарским документом, скорее всего, дал бы верную форму. В то время как некоторые учёные убеждены, что «Булгар» и «Биляр» являются в источниках названиями одного и того же города (основываясь на том факте, что «Биляр» — это среднеболгарская форма слова «Булгар»), в главе 18-й «Булгар» и «Биляр» — названия двух разных городов. Также можно составить длинный список предположительно болгарских имён из этого источника и с удивлением обнаружить, что такие классические болгарские лингвистические черты, как ротацизм (з > р) и ламбдацизм (ш > л), в них не присутствуют. Кроме того, я думаю, не следует даже упоминать о примерах народной этимологии, присутствующих во всём тексте.

После краткого анализа основных проблем представленного текста, вне всякого сомнения, можно сказать, что данная работа является вымышленным документом XX века, «изобретением традиции». Полное опровержение его потребует комментария, равного по размеру произведению оригиналу. Но я не могу даже представить себе, что кто-либо из историков или тюркологов потратит на это своё время. Тем не менее я нашёл занятную параллель между более ранними «болгарскими» источниками XVIII–XIX веков и этой работой XX столетия.

Несмотря на то что существовали предложения по использованию слова «булгар» для определения нового национального самосознания казанских татар, это так и не стало альтернативной идеологией в досоветское время. К примеру, даже последователь Ш. Марджани Ризаеддин Фахреддин использует в некоторых своих работах термины «болгарские тюрки» и «казанские тюрк»¹⁹. Мне кажется, что это отражает разногласия в использовании терминов «татары» и «тюрки», существовавшие в то время из-за теории Исмаила Гаспринского о великом пантюркском самосознании. Конечно же, позднее понятия «болгарские тюрки» и «казанские тюрки» перестали бы существовать, уступив место официальным национальным вариантам «татары» или «казанские татары», формально утверждённым и узаконенным в СССР.

В советское время казанские татары получали обвинения за свою связь с монголами и так называемым татарским иггом Золотой Орды, которые — в интерпретации российской нацио-

нальной истории, а впоследствии и в советской интерпретации — обвиняли монголов (и, следовательно, казанских татар) за всё воображаемое зло, пережитое Россией в тот период истории. И хотя обзор перемен и поворотов в истории XX века не входит в задачу данной работы, я просто хотел бы заметить, что такое отношение полностью зависит от идеологии и не имеет ничего общего с профессиональным изучением средневековой истории. Но к нашей теме имеет отношение тот факт, что для некоторых казанских татар их самосознание стало слишком противоречивым во время советской власти.

Я полагаю, что принятая в СССР в официальной версии советской истории практика очернения имени татар и монголов, последовавшая отчасти из-за негативной интерпретации роли «татарского ига» в русской национальной истории, привела к реакции отторжения в татарском самосознании, оставила на нём своего рода клеймо. Это стало весомым основанием для отрицания татарского самосознания и для предоставления вместо него более привлекательной альтернативы — «Мы не татары, мы — болгары!» (которая также имеет подтекстом «Мы не монголы, мы — болгары!»). Это были небольшие, но красноречивые дополнительные элементы в защиту болгарского самосознания в поздний советский период²⁰. Даже сегодня некоторые группы проводят активную работу, обращаясь к внутренним и международным организациям с просьбами изменить официальное название данной современной этнической группы с «казанских татар» на «булгар»²¹.

С какой целью была написана «Джагфар тарихы»? Я думаю, ответ ясен — с целью создать историческую основу для того, чтобы казанские татары сегодня (самосознание которых стало результатом современного конструкта под авторством Шигабутдина Марджани) могли называть себя «булгарами», а не «татарами». Это согласуется с идеологией и целями современных болгаристов. Более ранние попытки подделывать «булгарское» прошлое были связаны с исламской легитимностью (законностью), а не национализмом. И только в начале XIX века, в период появления среди мусульман-тюрок Российской империи новых категорий национального самосознания, понятие «булгарские тюрки» стало допустимой альтернативой понятию «казанские татары». Но в своё время эта идея не получила широкого распространения. По моему мнению, в ответ на обвинения и неправильное отношение к самосознанию татар в XX веке, особенно в советский период, идея «булгарского» самосознания приобрела новый импульс. Это отличает её от вариантов «булгарской» истории XVIII–XIX веков, созданных с целью укрепления взаимосвязи с исламским прошлым. Оспорив название современной территориальной нации, известной с XIX века как «татары», взамен предлагается точное название народа — «булгары». Конечно, такая «булгарская» идеология это тот же конструкт, только конструкт XX века. По этой причине современные заявления о «булгарском» самосознании и удивительные притязания на своё происхождение от клана Дуло должны считаться современным «изобретением традиции».

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Бахши Иман. Джагфар тарихы. Свод болгарских летописей. Оренбург. 1993–1997. I–III. См. также: Нурутдинов Ф. Булгарский вопрос. Как машина зла убивала народы (Запись разговора с М.С. Ваисовым. Служилые татары или похитители Чингис-хана с Илегеем). Оренбург. 1993; Нурутдинов Ф. Г–Х Родиноведение (Методическое пособие по истории Татарстана). Казань. 1995; Шнирельман В. От конфессионального к этническому: Булгарская идея в национальном самосознании казанских татар в XX веке // Вестник Евразии. 1998. № 1/2 (4/5). С. 137–159.
2. О языке поволжских булгар и их связи с чувашами см. подробнее: A. Róna-Tas and S. Fodor // *Epigraphica bulgarica, Studia Uralo-Altaica 1* (Szeged, 1973); Хакимянов Ф. С. Язык эпитафии волжских булгар. М. 1978; Мухаметшин Д. Г., Хакимянов Ф. С. Эпиграфические памятники города Бурлага. Казань. 1987; О конце этого языка в результате «чёрной смерти» см. мою статью: *The End of Volga Bulgarian // Varia Eurasistica. Festschrift für Professor András Róna-Tas* (Szeged, 1991). P. 157–163.
3. О Золотой Орде см. следующие мои работы: «Karachi bei» *pozdney Zoiotoy Ordī: Zametki po organizatsii mongol'skoj mirovoj istorii*, *Iz istorii Zoiotoy Ordī* (Kazan, 1993). P. 44–60; Направление в исследовании Золотой Орды // *Источниковедение истории улуса Джучи (Золотой Орды). От Калки до Астрахани. 1223–1556*. Казань. 2002. С. 15–29.
4. О Казанском ханстве см.: Jaroslaw Pelenski, *Russia and Kazan. Conquest and Imperial Ideology (1438–1560s)* (The Hague-Paris, 1974).
5. Шамилоглу Ю. Формирование исторического сознания татар: Шигабутдин Марджани и образ Золотой Орды // *Татарстан*. 1991. № 10.
6. См.: András Róna-Tas. *Where was Khuvrat's Bulgaria?*, *Acta Orientalia Hungarica 53* (2000). P. 1–22.
7. Усманов М. А. Татарские исторические источники XVII–XVIII вв. Казань. 1979.
8. См. также работы О. Притцака и Д. Исхакова, цитируемые В. Шнирельманом, а также полемику с ними Ф. Нурутдинова.
9. Kenneth W. Rendell, *Forging History: The Detection of Fake Letters and Documents* (Norman, OK: University of Oklahoma Press, 1994). См. также упоминавшуюся работу В. Шнирельмана.

10. См. *The Invention of Tradition*, ed. E. Hobsbawm and T. Ranger (Cambridge, 1983), особенно два важных эссе Э. Хобсбаума «Introduction: Inventing Traditions». Р. 1–14; и «Mass-Producing Traditions: Europe, 1870–1914». Р. 263–307). А также упоминавшуюся работу В. Шнирельмана.
11. См. напр.: Hugh Trevor-Roper, «The Invention of Tradition: The Highland Tradition of Scotland», *The Invention of Tradition*, ed. E. Hobsbawm and T. Ranger (Cambridge, 1983). Р. 15–41, особенно Р. 16–17.
12. Brian J. Boeck, «Probing Parity Between History and Oral Tradition: Putting Shora Nogmov's History of the Adygei People in its Place», *Central Asian Survey* 17:2 (1998). Р. 319–336.
13. По этому вопросу см.: Henry R. Cooper, *The Igor Tale. An Annotated Bibliography of 20th Century Non-Soviet Scholarship on the Slovo o polku Igoreve* (White Plains, NY: M. E. Sharpe, 1978); Слово о полку Игореве. Библиографический указатель. 1968–1987 гг. Издания, переводы, исследования на русском, украинском и белорусском языках. Л. 1991.
14. См. введение к «Джагфар тарихы».
15. Перевод этой работы см.: Ковалевский А. П. Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу. Перевод и комментарии под редакцией академика И. Крачковского. М.—Л. 1939; Ковалевский А. П. Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. Харьков. 1956.
16. Перевод этой работы см.: Большаков О. Г., Монгайт А. Л. Путешествие Абу Хамида аль-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131–1153 гг.). М. 1971.
17. Таварих-и Болгария (Болгар тарихы). С. 25–27. Здесь Барадж является визирем Айдара. См. также: Усманов М. А. Татарские исторические источники... С. 174–178.
18. Сравни хронологию, используемую в мусульманской тюркской литературе: Kathleen R. F. Griffin-Burrill, *The Literature of the Turks* (Madison: Turko-Tatar Press, in press).
19. См.: Фахретдинов Р. Болгар во Казан тореклере. Казань. 1993. С. 20–22.
20. Примеры болгарской идентичности см.: Каримуллин А. Татары: Этнос и этноним. Казань. 1988. Особенно стр. 118–119. См. также: Мусина Р. Н. Этносоциальное развитие и идентичность современных татар/Татары. М. 2001. С. 507–519. Указ от 9 августа 1944 года ЦК КПСС определил, что народы Золотой Орды должны изображаться как отсталые дикари, лишённые цивилизации. Подробнее см.: Усманов М. А. Состояние и перспективы источниковедения истории улуса Джучи/Источниковедение истории улуса Джучи (Золотой Орды). От Калки до Астрахани. Казань. 2002. С. 3–14.
21. 7 апреля 2000 г. Татаро-башкирская служба Радио свободы сообщила, что председатель Булгарского национального конгресса (БНК) в Татарстане Гусман Халилов подал апелляцию в Верховный Суд РФ на решение от 6 апреля 2000 г. об отклонении его просьбы аннулировать декрет В. И. Ленина о создании ТАССР. Согласно Халилову, БНК полагает, что Ленин не имел основания называть республику татарской, так как это имя не отражает болгарские корни народа, проживающего в республике. Халилов не согласен с учёными, которые называют древний болгарский народ, осевший на Дунае, болгарскими, а болгар, осевших в Волго-Уральском регионе, татарами. Согласно Халилову, «мы один народ, мы болгары». Халилов также апеллировал к Европейскому суду по правам человека (Страсбург) с жалобой на Россию и Татарстан, отказавшим обозначить в паспорте его национальность как «болгар» вместо «татарин». Суд сообщил Халилову, что его случай рассмотрен.

ШАМИН СТЕПАН МИХАЙЛОВИЧ

(к.и.н., Институт русского языка им. А.С. Пушкина.
Отдел культуроведения с.н.с.)

ЛЕГЕНДАРНАЯ ПЕРЕПИСКА ТУРЕЦКОГО СУЛТАНА

Фальшивый документ обычно создается и запускается в оборот с какой-то конкретной целью. Однако судьба опубликованной подделки уже не зависит от воли автора. Далеко не всегда документ используется так, как задумывали его создатели. В XVII в. случаи подобной подмены встречались неоднократно. В качестве примера можно привести сочинение о двух пророках и их пророчествах, которое первоначально появилось как протестантский антикатолический памфлет. По содержанию он очень прост. Появляются два необычных старца, которые обличают человеческие грехи, подвергаются гонению со стороны католической Церкви и оставляют пророчество о близком конце Света. В течение XVII столетия варианты памфлета публиковались несколько раз. Интерес к нему поддерживался не затухающей борьбой между протестантами и католиками.

Казалось бы, что вне культурного пространства Европы такое сочинение не имело перспективы для тиражирования. Однако оно широко распространилось на территории Украины и России. На Украине памфлет оказался востребованным у православного населения, страдающего от католической экспансии. В России же им воспользовались старообрядцы, а позднее, противники реформ Петра I. Можно назвать две причины подобного универсализма, на который авторы сочинения явно не рассчитывали — общехристианская основа культур (в двух старцах любой христианин видел Илью и Еноха, чье появление предшествовало Судному дню) и наличие острого конфликта между религиозными конфессиями: католиками/протестантами, католиками/православными, никонианами/старообрядцами. Во всех трех случаях фальшивка оказалась направленной против господствующего (если не численно, то политически) исповедания.

Легендарная переписка турецкого султана — другой пример проникновения европейских подделок в русско-украинскую культурную среду. Произведения этого цикла также имеют достаточно примитивный сюжет. Часто (хотя и не всегда) они составляют пару из высокомерного послания турецкого султана и дерзкого пародийного ответа. Эти тексты распространялись в Европе в качестве антитурецких памфлетов. Их литературный характер никогда не ставился под

сомнение серьезными исследователями, а европейское происхождение доказано американским ученым Д.К. Уо.² Исключительно антитурецкое значение «переписка» сохраняла не слишком долго. Уже в XVII в. «Легендарное послание турецкого султана немецким владетелям и всем христианам» попало в состав антикатолического памфлета в качестве описания грозной кары, которой Бог наказывает католиков.³

Наиболее интересна судьба другого произведения этого цикла — «Легендарной переписки турецкого султана с чигиринскими казаками». Его перевод первоначально вошел в русскую книжность как антитурецкий памфлет. Однако наиболее широкое распространение текст получил уже с середины XVIII столетия на Украине. В поздних украинских вариантах сочинения мы видим адаптацию памятника к новым историческим условиям. Вместо чигиринских казаков в нем появились гораздо более популярные запорожцы, а текст обогатился ярким украинским фольклором. Один из его вариантов вдохновил И.Е. Репина на создание картины «Запорожцы пишут письмо турецкому султану».⁴

В XVIII–XIX вв. войны с Османской империей оставались благодатной почвой для распространения произведения. Однако все большую роль играл другой фактор. «Письмо запорожцев» стало объектом национальной гордости русских и украинцев. Появление картины Репина обеспечило «Письму» общенациональную известность. Желание узнать, что же вызывает у казаков такой смех, вполне естественно. Репродукции картины оказались в домах самых разных людей. Одна из них висела на даче И.В. Сталина. Его дочь С. Алилуева писала, что Сталин «обожал эту вещь, и очень любил повторять кому угодно непристойный текст этого самого ответа»⁵. Из цитаты видно, что Сталин знакомил окружающих с поздней версией послания, так как в редакции XVII в. нет ничего неприличного. Очевидно, что именно некоторая скандальность позднего текста способствовала его популярности. Этот же фактор и препятствовал распространению сочинения. Ситуация изменилась после появления Интернета. В нем имеются десятки публикаций «Письма». Причем мне удалось обнаружить в сети только поздние варианты памфлета. Спектр сайтов, где вывешено письмо, крайне

разнообразен — от «Православного Форума Апостола Андрея Первозванного» до сетевых дневников, объединяющих автомобилистов. Автоматический поиск информации о «Письме» выдает даже порносайты, обычно не публикующие литературные памятники XVIII в. Выявить какую-либо социокультурную группу, в которой преобладает интерес к данному сочинению, оказалось невозможным. Можно лишь отметить, что среди читателей преобладают русские и украинцы.

Особенно ценны для анализа произведения сетевые дневники, где текст «Письма» обсуждается. Чаще всего оно порождает дискуссии националистического характера. При этом турки

практически не выступают как объект критики. Иногда участники диспута заходят далеко от первоначальной темы. К примеру, можно встретить высказывания типа «С детства две вещи не люблю — расизм и негров». Любопытно, что при интернетпубликации данного письма очень редко сообщается о его литературном характере. Обычно текст рассматривают как подлинный документ. Таким образом антитурецкий памфлет XVII в., из европейской прессы проник в русско-украинскую культурную традицию. Здесь он постепенно потерял свое первоначальное значение и стал тиражироваться как свидетельство величия национального духа русских/украинцев.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Шамин С.М. В ожидании конца света в России (конец XVII – начало XVIII в.) // Вопросы истории. 2002. №6. С. 134–138; Летопись самовидца по новооткрытым спискам с приложением трех малороссийских хро-ник: Хмельницкой, «Краткого Описания Малороссии» и «Собрания Исторического». Киев. 1878. С. 151.
2. Waugh D.C. The Great Turkes Defiance: On the History of the Apocryphal Correspondence of Ottoman Sultan in its Muscovite and Russian Variants. Columbus, Ohio. 1978.
3. РГАДА Ф. 50. Оп. 1. 1664 г. Ед. Хр. 2. Лл. 4-9.
4. Каган М.Д. Легендарной переписки турецкого султана с чигиринскими казаками // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3. Ч. 4. СПб. 2004. С. 224, 225.
5. Алилуева С. Двадцать писем к другу. М., 1990. С. 21.

ТЕНИ ЗАБЫТЫХ ПРЕДКОВ. ПОДДЕЛКИ КАК ЭТНОПОЛИТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА*

Подделки исторических документов — это старая проблема, знакомая историкам с тех самых пор, как история стала наукой. Причины здесь многообразны: здесь и личные амбиции «непризнанных талантов», и просто стремление заработать на кусок хлеба, и желание обосновать права на наследство или высокий статус. Но имеется особая категория подделок, связанная с групповыми интересами, когда речь идёт о славных предках, их великих деяниях и достижениях, победах и поражениях, исторической территории и древней государственности. Именно к ним мы и обратимся.

К подделкам может быть двоякое отношение. Классический историк их, безусловно, отвергает как лишний шум, мешающий сосредоточиться на реальных исторических проблемах. Но специалист, занимающийся социальной памятью, а в ещё большей степени культурный антрополог, интересующийся проблемами национализма и идентичности, видит в них важный источник, помогающий лучше понять общественные настроения и тем самым дух времени. Ведь иной раз бывает, что подделка поначалу остаётся невостребованной, и её создатель умирает в неизвестности. Однако проходит время, общество вступает в новую фазу развития, и находятся люди, обнаруживающие забытую подделку и с энтузиазмом возвращающие её к жизни. Поэтому нас должны интересовать не только сами подделки или их создатели, чаще всего остающиеся за кадром, а и то, кто и почему заинтересован в их популяризации, как на это реагирует общественное мнение и почему в ряде случаев общественность встречает такие документы с поразительным доверием и не соглашается видеть в них фальсификации, каковыми они на самом деле являются. Например, чешское общество XIX — начала XX века, несмотря на все протесты местных историков, включая знаменитого общественного деятеля Франтишека Палацко, никак не могло поверить в поддельный характер Краледворской и Зеленогурской рукописей, созданных известным энтузиастом национального возрождения Вацлавом Ганкой. Только высочайший авторитет чешского философа и первого президента

Чехословакии Томаша Гаррига Масарика смог развеять иллюзии и поставить точку в этой долгой истории заблуждения.

Здесь мы встречаемся с особенностями социальной памяти, которая отличается избирательностью и чутко реагирует на окружающую общественную атмосферу. Хорошо известно, что формирование нации и идеология национально-освободительной борьбы требуют могущественного мобилизующего мифа, способного объединить общество и увлечь его в едином порыве к достижению определённой политической цели. До сих пор популярно представление о мифе как о полной выдумке и фантазии, не имеющей никакого отношения к действительности. Между тем это не так. Миф может опираться и на реальные факты. Но вопрос заключается не в том, насколько факты реальны или выдуманы, а в том, что они подвергаются процедуре отбора и интерпретации, в результате чего выстраивается историческая конструкция, способная обслуживать совершенно определённые интересы и преследовать определённые цели. Столь же ошибочно мнение о том, что исторический миф — это продукт деятельности исключительно дилетантов и непрофессионалов, по неведению или злому умыслу искажающих прошлое.

Иной раз миф создают и профессиональные историки. Ведь грандиозные национальные истории сплошь и рядом оказываются мифом, и не случайно сегодня для них используется термин «Большой нарратив». Например, до 1870-х годов никому и в голову не приходила мысль о единой истории Германии: ведь до этого страна делилась на отдельные княжества, каждое из которых имело свою собственную историю. И только после объединения Германии немецкий историк фон Трейчке впервые создал для неё единую историю, начинавшуюся с первобытных времён. Напротив, после крушения империи представление о её единой целостной истории быстро теряет своё очарование, и возникшие на её обломках государства начинают создавать свои отдельные исторические нарративы, не признающие былого единства. Причём и в имперский период, и по его окончанию всем этим занимаются профессиональные историки.

* Опубликовано в журнале «РОДИНА» 2007 № 8

Мало того, многое в презентации «Большого нарратива» зависит от политических установок историка. Вряд ли стоит доказывать, что, исходя из одних и тех же фактов, историк-либерал и историк-консерватор сумеют создать совершенно различные образы истории одного и того же общества. Как это возможно? Во-первых, путём отбора фактов, во-вторых, приданием им разного значения (то, что один историк сочтёт малосущественным, для другого может стать едва ли не основным), в-третьих, интерпретацией одних и тех же событий и фактов.

Все эти приёмы типичны для социальной памяти. Достаточно отметить, что в традиционных армянской и греческой культурах специалисты обнаруживают немало турецких элементов, однако сами армяне и греки по понятным причинам стараются этого не замечать. Или другой пример, некоторые православные соборы домонгольского времени, считающиеся шедеврами древнерусской архитектуры, были созданы германскими мастерами, но в учебниках об этом писать не принято. Поэтому то, что собой представляет традиционная культура, и то, в каком образе она представляется своим носителям, — это далеко не одно и то же.

Основой национального мифа нередко служит сказание о предках, в котором люди ищут источник нравственности, героизма, убеждённости в идеалах, веры в справедливость. В тех обществах, где имеется богатая историческая традиция, подкреплённая солидной документальной базой, создатели исторического мифа могут без труда отбирать нужные им сюжеты и выстраивать требуемую актуальную конструкцию. Хуже обстоит дело там, где письменных документов не хватает или где предлагаемая ими скудная информация не даёт пищи для создания привлекательного мифа о предках, не говоря уже о тех случаях, где такие документы просто отсутствуют. Чаще всего это наблюдается в колониальной ситуации или в результате территориальной экспансии, когда государство включает в свои пределы новые группы населения с иными культурными традициями. Иной раз речь идёт о бесписьменных народах, но бывает и так, что завоеватели сознательно уничтожают местную письменность и документы о прошлом, искореняя историческую память, способную подпитывать сепаратизм. Но даже если исторические документы сохраняются, они нередко не отвечают на жгучие вопросы современности. Мало того, исторические и этнологические знания могут подрывать миф о национальном единстве, который требует определённой амнезии.

Ведь, скажем, в условиях традиционной родоплеменной социальной организации, типичной для кочевых народов, не могло быть и речи о каком-либо национальном единстве. Там на протяжении истории отдельные клановые груп-

пы могли откочёвывать на большие расстояния и менять своё место в системе племенных союзов. В результате бывший враг мог стать другом, а бывший друг — врагом. Не лучше обстояло дело с единством и у оседлых народов, где взаимоотношения между властителем и подданными нередко сводились лишь к спорадическому сбору податей или более регулярному взиманию налогов. В древних и средневековых государствах правителям и в голову не приходило заботиться о языковом или культурном единстве своих подданных. А политическая лояльность там практически совпадала с личной преданностью князю или государю. Поэтому само по себе языковое и культурное единство не служило необходимой основой политической общности, а являлось производным от социальной или политической организации.

Именно родство, родоплеменные связи или лояльность сюзерену, а отнюдь не язык или культура лежали тогда в основе политических союзов. Вот почему в истории сплошь и рядом наблюдались странные для наших современников ситуации, когда представители одного и того же народа могли сражаться в рядах противоборствующих армий. А ведь именно так обстояло дело и на поле Куликовом, и во время взятия Казани, когда в обеих армиях можно было обнаружить и русских, и татар. Ни о какой преданности «национальной идее» или «народному единству» тогда не могло быть и речи, ибо ни такого рода идеи, ни такого единства не существовало. Не было их и в 1612 году, когда русское общество оказалось глубоко расколотым. И никакое языковое или культурное единство от политического раскола в те далёкие времена не спасало. Просто потому что не было концепции такого единства; она была излишней, ибо социальные и политические связи выстраивались на совершенно иных основах.

Как сравнительно недавно установили историки из США, даже в период войны за независимость среди американских колонистов находилось немало сторонников британской короны, и самые жаркие схватки тогда происходили между самими американцами — сторонниками и противниками независимости. А сегодня Ирак, который мы до недавнего времени воспринимали как сплочённую арабскую нацию, охвачен драматической конфронтацией между суннитами и шиитами. Мало того, имея в виду сложную ситуацию, сложившуюся в наши дни на Украине, некоторые комментаторы даже позволяют себе рассуждать о населяющих её двух разных народах, причём имея в виду не русских и украинцев, а русофонов и украинофонов (по аналогии с бельгийскими франкофонами). Всё это ярко свидетельствует как о различиях между культурной и языковой общностями, так и о сомнительности их безоговорочного отождествления с политическим единством.

Между тем националисты сплошь и рядом исходят именно из такого отождествления. Однако, понимая имеющиеся сложности, они пытаются всеми силами создать миф, во-первых, о политическом единстве, основанном на языковом и культурном родстве, а во-вторых, о необычайной древности такого единства. При этом, апеллируя к прошлому, они игнорируют сам принцип историзма и не учитывают специфики разных исторических эпох. Ведь в разное время политическая лояльность имела совершенно разные основания: личная преданность сюзеру или верность своему клану кардинально отличались от современного чувства национального единства, основанного на политической лояльности равноправных граждан. Современная нация состоит не из подданных, беспрекословно подчиняющихся монаршей воле, а из полноправных граждан; не монарх и не вождь, а нация в лице её граждан является носителем суверенитета, что предполагает их активное участие в политическом процессе. Ничего подобного ни в средневековых государствах, ни в древних империях не было. Но именно это-то и доставляет неудобства националистам, пытающимся всеми силами убедить своих соотечественников в древности их культурно-языкового единства, которое рисуется былинным богатырём, уверенно продвигающимся по тропам истории, сохраняя свою самобытность и нетленные ценности. Разумеется, такая модель допускает и некоторые изменения, но отводит им второстепенное место, ибо они не должны ослаблять образ культурно-языкового единства.

Между тем эта модель расходится с научными знаниями, не подтверждающими столь упрощённый взгляд на исторический процесс. Сегодня на земле нет, пожалуй, ни одного народа, который бы не имел смешанного происхождения, и о «чистоте расы» говорить не приходится. Занимаясь происхождением народов, профессионалы (археологи, этнологи, физические антропологи, лингвисты) неизбежно обнаруживают у их истоков самые разные группы и традиции, которые, сливаясь, создавали своеобразный синтез, закладывавший основу тому или иному народу. Поэтому вопреки расхожему мнению самобытность вовсе не является чем-то исконным, уходящим корнями в глубокую древность. Напротив, она формируется во времени из самых разных элементов, часть из которых традиционны, часть являются новообразованиями, а часть заимствованы из соседних культур и переработаны в местной среде. При этом культура в свою очередь не представляет собой закрытую систему: она находится в постоянном процессе изменений, а заимствования происходят даже во время военной конфронтации.

Вот почему, как сегодня подчёркивают специалисты, любая культура, в сущности, гибридна.

Иными словами, она состоит из самых разных компонентов, и немало учёных предаются увлекательному занятию по распутыванию хитросплетений, созданных культурным процессом. В итоге они обнаруживают, что особенности, которые сегодня характеризуют тот или иной народ, имеют очень разные истоки и достались ему от тех или иных групп, вошедших в его состав очень давно или относительно недавно. В свою очередь это позволяет говорить о нескольких разных предковых группах, положивших начало народу. Однако сегодня, когда его объединяет одно и то же название (этноним), люди часто верят в своё единое происхождение и уже не помнят или не хотят помнить о гетерогенном составе своих далёких предков. Такая амнезия свойственна современному национализму, отдающему приоритет консолидированной политической нации и нередко наделяющему её гомогенной культурой, призванной легитимировать политическое единство.

Между тем так было далеко не всегда. Парадокс состоит в том, что современные консерваторы-традиционалисты, призывающие к консервативной революции во имя восстановления некоей «исконной культурной традиции», не желают учитывать, что в традиционном обществе имелись совершенно иные ценности и установки, не признававшие никаких «чистых традиций» и не придававшие ни малейшего значения «чистоте крови». В своё время при изучении тлингитов Аляски мне довелось навестить семью, хозяйка которой, узнав, что я из России, с гордостью продемонстрировала мне свою генеалогию, подчеркнув, что один из её предков был русским. Сама же она происходила из атапасков. Её сын считался тлингитом, но его жена была белой американкой. Для них самих все такие генеалогические связи большой роли не играли, ибо, будучи полноправными членами тлингитских кланов, они считались тлингитами и никаких вопросов в связи с этим не возникало. Поэтому и дети этой молодой пары были тлингитами. И такая ситуация была для традиционных обществ вполне типичной, ибо там ценили не «чистоту крови» и не приверженность культурной традиции, а включённость в местную социальную организацию. Даже сам интерес этой простой женщины к своей генеалогии любопытен тем, что упомянутое генеалогическое дерево было создано для неё одним американским антропологом.

Вместе с тем рассмотренный пример показывает, почему и на каких основаниях возможен «выбор предков», которым с упоением занимаются современные националисты. Это относится не только к отдельным людям, но и к целым группам. Учёным хорошо известно, что, например, у различных тюркских народов встречаются семьи или родовые подразделения с одними и теми же названиями. Такое можно обнаружить

даже у соседних народов, говорящих на разных языках, например, у ираноязычных осетин-дигорцев и их соседей, тюркоязычных балкарцев и карачаевцев, где не только встречаются семьи с одними и теми же фамилиями, но они нередко знают о своём родстве и поддерживают тесные контакты. Когда много столетий назад в Сомали переселились арабские шейхи со своими многочисленными семьями, местные кочевые группы небезуспешно стремились привязать себя к их престижным генеалогиям. Из этого сплава и возникли современные сомалийцы. Такой процесс типичен для формирования кочевых народов. Однако он встречается и в оседлой среде. Там он характерен более всего для знати, пытающейся подтвердить свой высокий статус с помощью фиктивных генеалогий. Например, некоторые европейские короли таким образом пытались вести своё происхождение от римского императора Августа.

Всё это, во-первых, говорит о важности предков, престиж которых, как считается, оказывает влияние на потомков. А во-вторых, создаёт определённый набор предков, реальных или фиктивных, позволяющий производить селекцию. Выше было отмечено, что в формировании народов участвовали самые разные компоненты: одни могли наградить его какими-то особыми, значимыми сегодня элементами культуры, другие — передать ему свой язык. Мало того, в истории отнюдь не редкими были и случаи смены языка.

Это открывает поистине безграничные возможности для «поиска предков» и «выбора» подходящих предков, лучше отвечающих потребностям текущего момента. В некоторых случаях приоритет отдаётся тем из них, которые заложили основы местной культуры (но надо ещё учитывать, что сама культура состоит из самых разных компонентов и может пониматься по-разному). В других пальма первенства достаётся предкам, создавшим языковую традицию. Иногда особую ценность представляют предки-автохтоны, а иногда — мигранты, прославившие себя военными успехами и принёсшие аборигенам государственность. Иногда в предках ценят их боевую мощь и страсть к покорению других народов, а иногда их почитают за мудрость и высокую нравственность. В любом случае предки должны обладать некоторыми ценными качествами, имеющими фундаментальное значение для своих нынешних потомков. Интересно, что они вовсе не обязательно должны выступать победителями. Им позволено терпеть и поражения, переживать катастрофу. Гораздо важнее то, что, даже погибая, они вели себя достойно: сражались с врагом до последней капли крови, хранили верность избранному идеалу, защищали слабых и, наконец, предпочитали добровольную смерть сдаче на милость победителя.

Таковы ключевые моменты мифов о предках, которые с упоением создаются современными националистами. Иногда необходимые сведения черпаются из исторических документов. Но, если таковых не находится, энтузиастам приходится прибегать к фальшивкам. Любопытно, что это встречается не только там, где отсутствовала собственная глубокая письменная традиция, но и там, где имеющаяся богатая письменная история по каким-то причинам не удовлетворяет запросам националистов. Например, некоторые современные русские и украинские националисты, считающие христианство чуждой традицией, отвергают и всю связанную с ним историю. «Истинную самобытную историю» они ищут в языческих временах, однако за отсутствием надёжных письменных источников, способных подтвердить их догадки, они вынуждены опираться на фальшивки типа «Влесовой книги» или «Послания ориан хазарам» либо обращаются к самым фантастическим интерпретациям археологических находок или древних письменных памятников (например, объявляют поселение бронзового века Аркаим «древним русским городом» или «читают» этрусские тексты по-русски).

Судьба фальшивок бывает весьма замысловатой: предназначенные их создателями для решения одних задач, они могут впоследствии использоваться для совершенно иных целей. Например, изначально поддельная «Хроника Ура-Линда» должна была служить своему голландскому владельцу для доказательства древности его рода, идущего якобы от доисторических фризов, а через них — даже от мифических атлантов. Более чем через полвека к ней вновь обратился нацистский учёный Г. Вирт, находивший в ней аргументы для своей идеи об «исконной первобытной письменности» и полагавший, что человечеству следует искать спасение в возвращении к порядкам древнего материнского права. Наконец, уже в наши дни её снова извлёк из забвения Александр Дугин для подтверждения своей расовой интерпретации человеческой истории.

Вот почему нас должны интересовать следующие вопросы: каковы были обстоятельства «находок» такого рода документов, что этому сопутствовало и чем характеризовался общественный климат, кто именно занимался популяризацией документов как «подлинных» и кто был заинтересован в этом (в частности, какого рода политической деятельностью занимались адвокаты подделок и каковы были их общественные идеалы), как содержание документов соотносилось с животрепещущими вопросами, волновавшими тогда общество или какую-либо его влиятельную группу, как эти документы были восприняты властями, журналистами, писателями и другими «властителями дум» и, наконец, как и по каким каналам информация о них доходила до общественности и как та её воспринимала.

Обстоятельства находки обычно бывают самыми загадочными: древние документы якобы каким-то чудесным образом сохраняются до наших дней либо в частном семейном архиве, либо в библиотеке коллекционера. При этом сам хозяин либо уже умер, либо проявляет излишнюю застенчивость и не хочет находиться в центре внимания. Нередко сами документы в какой-то момент исчезают, а остаются лишь их копии, иной раз даже не на языке оригинала, а в неизвестно кем сделанном переводе. Широкою огласку документы получают благодаря энтузиазму друга или знакомого своего хозяина. Мало того, этот человек, не имея необходимой профессиональной подготовки, берётся за чтение рукописи, записанной особыми знаками на весьма архаичном или вовсе неизвестном языке, и с лёгкостью её прочитывает на своём родном языке.

При этом обычные для профессионального историка процедуры, связанные с установлением аутентичности и критикой источника, не производятся. Не рассматривается история документа; не анализируется материал, на котором он сделан; не изучается детально система письма и её связь с известными письменностями, в особенности с их хронологическими и региональными модификациями; не исследуются особенности языка и их соотношение с родственными языками; не учитывается развитие языка во времени; игнорируются как возможные архаизмы, так и инновации (по утверждению публикатора рукописи, данный язык, в отличие от всех остальных, отличался необычайным консерватизмом и практически не изменялся, что якобы и позволяет с лёгкостью читать и понимать древний текст).

Зато всё внимание концентрируется на содержании документов, которое оказывается весьма актуальным. Они либо доказывают право народа на территорию (Хуламская табличка, якобы чётко очерчивающая границы балкарских земель, или рукопись Ибрагимова-Магомедова, призванная доказать право чеченцев на обширные территории Дагестана), либо говорят о необычайной древности предков, их исконной культуре и языческих верованиях, славных подвигах и древней государственности, а также об обладании ими обширными землями («Влесова книга», «Джагфар тарихы», «Послание ориан хазарам»), либо отождествляют предков современного народа с известным историческим народом («Албанская книга» у лезгин) или фольклорным героем («Летопись Карчи» Н. Хасанова). Всё это не просто позволяет легитимировать право на «этническую территорию» и политический суверенитет, но призвано восстановить справедливость. Ведь речь идёт о группах, перенесших реальную травму либо в недавнем (депортированные и разделённые народы), либо в более отдалённом прошлом (народы, утратившие свою

средневековую государственность). Иной раз в силу сложившихся обстоятельств доминирующий народ тоже может ощущать себя «меньшинством», и тогда некоторые идеологи делают попытку улучшить его самочувствие путём обращения к образу славных предков, для чего также не брезгают фальшивками. При этом последние обнаруживаются именно в тот критический момент в жизни общества, когда травма актуализируется и воспринимается весьма болезненно, вызывая к жизни народный подъём с требованием восстановления справедливости.

Впрочем, адвокаты национальной идеи могут опираться и на подлинные древности, придавая им нужный смысл с помощью самых фантастических интерпретаций. Ярким примером этого служит Аркаим, поселение среднего бронзового века в Челябинской области, ставшее предметом поклонения немалого числа наших соотечественников. В течение последнего десятилетия некоторые далёкие от археологии энтузиасты развивают бурную деятельность и «открывают» подобные памятники, поражая общественность их якобы ещё более запредельной древностью («Гиперборейская цивилизация» на Кольском полуострове, «открытая» философом В. Н. Деминим, или «второй Аркаим» в Приэльбрусье, «обнаруженный» журналистом А. Асовым). Авторы таких сенсаций проявляют завидную активность, стараясь заинтересовать местных чиновников, журналистов и бизнесменов. И это находит понимание, ибо власти ряда краёв и областей, опасаясь местного сепаратизма, озабочены доказательством русского приоритета.

Отсюда русификация средневековых Хазарии и Булгарии челябинскими законодателями и непомерное расширение границ Тмутаракани вплоть до Ставрополя некоторыми ставропольскими авторами. В свою очередь «открытие» «Гиперборейской цивилизации» с энтузиазмом популяризировали мурманские журналистки. Она пришлась по душе и местному общественно-политическому движению «Возрождение Мурмана и Отечества», выступавшему против «геноцида славян» в России и ставившему своей целью «возрождение славянской цивилизации».

Обстоятельства всех таких «открытий» чаще всего связаны с «национальным возрождением». «Влесова книга» появилась в начале 1950-х годов в среде русских и украинских эмигрантов, уязвлённых неудовлетворительным, на их взгляд, статусом русских и украинцев в Советском Союзе. В самом же СССР она получила популярность лишь после 1970 года, — после того, как так называемая «русская партия» потеряла своё влияние в партийно-комсомольских органах и переместилась в сферу изящной словесности («толстые» журналы, художественная проза и поэзия). Роль этой «древней летописи» росла по

мере роста активности русских националистов и достигла кульминации во второй половине 1990-х, когда она даже использовалась неоязычниками для создания своих «священных текстов». В 1990-х же некоторые русские националисты прилагали недюжинные усилия для возвращения к жизни и реабилитации фальшивок, разоблачённых ещё в XIX веке («Боянов гимн» и пр.). В свою очередь на Украине отмечалась попытка легитимировать другую фальшивку, «Рукопись Войнич», как якобы древнейшую украинскую языческую рукопись VII–VI веков до нашей эры. Из этого маловразумительного текста можно понять лишь одно — что конфликт славян с хазарами восходит к эпохе ранней античности, и якобы уже тогда «хазары» угрожали «русам» и несли им одно лишь зло и неволю.

Появление на свет свода «древнебулгарских летописей» под названием «Джагфар тарихы» тесно связано со становлением и развитием булгарского движения в Татарстане в начале 1990-х. Его лидерам требовалось легитимировать свою деятельность доказательством того, что местное тюркское население всегда было булгарами и не имело никакого отношения к татарам. Тогда же в Карачае на свет появилась «хазарско-аланская летопись Карчи», где прямыми предками карачаевцев назывались хазары и в подтверждение этого приводились документы, якобы записанные на «хазарском языке», который на проверку оказывается карачаевским. По словам её составителя, «крымские летописцы» XIV–XV веков сохраняли хазарский язык и «хазарскую грамоту», причём последняя оказывается не то рунической, не то греческой, не то арабской, а вовсе не квадратичным письмом, как следовало бы ожидать.

Хуламская плитка была обнаружена в 1890-х годах, когда балкарцы требовали расширения своих пастбищных угодий (а они были богатейшими на всём Северном Кавказе скотоводами). Но после советских политических и административных преобразований на Северном Кавказе (учреждение автономных республик) о ней надолго забыли, и ею изредка интересовались только узкие профессионалы-историки. Однако она получила новую широкую огласку в начале 1990-х, когда кабардинское и балкарское национальные движения пытались решить вопрос о разделе Кабардино-Балкарии на две республики.

«Рукопись Ибрагимова-Магомедова» появилась в конце 1980-х, когда набирало силу чеченское национальное движение. С возникновением независимой Чечни-Ичкерии этот документ давал ей основания претендовать на земли Центрального Дагестана, где жили чеченцы-акинцы. Мало того, «рукопись» рисовала фантастическую картину расселения чеченцев-акин-

цев в XVI–XVIII столетиях, когда они будто бы занимали изрядную часть Северного Дагестана вплоть до Каспийского моря, где использовали рыболовные угодья острова Чечень.

Наконец, «Албанская книга» появилась в самом начале 1990-х, когда после развала СССР лезгинцы осознали себя разделённым народом. Этот «документ» доказывал единство лезгинского народа и подтверждал, что он является коренным населением в юго-восточной части Кавказа, где его предки имели своё государство и письменность задолго до появления тюркских предков азербайджанцев.

Все такого рода документы призваны служить инструментом политической мобилизации. Ведь они, во-первых, создают «научную» базу для тех или иных требований (территория, автономный культурный статус, воссоединение народа, политический суверенитет), во-вторых, помогают формировать идеологию социальной мобилизации путём апелляции к славе далёких предков, в-третьих, предлагают на выбор привлекательные символы национального сплочения. Кроме того, некоторые вдохновлённые такими документами писатели вылетают их в своё повествование или даже делают их едва ли не главным героем своих романов, как это иной раз происходит с «Влесовой книгой». Поэтому, даже не обладая аутентичностью, фальшивка может стать реальным фактом как социальной жизни, так и изящной словесности. Наконец, подделка способна стать основой религиозного текста или даже претендовать на статус священного писания новой религии. Например, некоторые русские и украинские неоязычники используют для этого «Влесову книгу», а «Албанская книга» помогает сегодня отдельным лезгинским авторам изобретать лезгинскую языческую религию. Мало того, порой подделки даже подхватываются системой образования и включаются в школьные курсы, как это происходит с той же «Влесовой книгой» на Украине. Печально, но, похоже, эта нездоровая тенденция увлекает и некоторых российских авторов учебной литературы (недавно такой случай был зафиксирован в Курске, о чём писала «Российская газета»).

Если «чистый» историк расценивает подделки как псевдофакты, от которых следует поскорее избавиться, то для социолога они сами по себе и особенно их популярность служат важными индикаторами состояния общества и общественных настроений. Иными словами, фальсифицируя исторические факты, сама по себе подделка является несомненной исторической, социальной и литературной реальностью, заслуживающей пристального внимания и многостороннего анализа.

В гостях у Вральды: фантастическая «Хроника Ура Линда»*

Недавно на книжных прилавках Москвы появился объёмистый том под названием «Хроника Ура Линда». Аннотация сообщает, что перед нами «древнефризская руническая книга об изначальных миграциях расы атланти-нордов... и об изначальном арийском матриархате». Казалось бы, перевод столь ценного источника должен изрядно обогатить историческую науку. Но восторга со стороны учёных почему-то не наблюдается...

ЛИПОВАЯ ХРОНИКА

Впервые о «Хронике» мир услышал в 1871 году, когда нидерландский историк Ян Герардус Оттема издал ее текст в переводе на голландский язык. По словам Оттемы, рукопись была получена им от бывшего прораба судоверфи Корнелиса Овер де Линдена, который, в свою очередь, унаследовал её от своего деда. Корнелис, как и Оттема, был фризом — представителем маленького народа, живущего на севере Нидерландов и северо-западе Германии. Фризы испокон веков занимались рыболовством и морским разбоем, ревниво охраняя свою независимость и древние предания. Хранило их и семейство Овер де Линден, имя которого по-фризски звучало как Ура Линда — «над липами», то есть «за липовой рощей». По словам Корнелиса, в семье из поколения в поколение передавалась рукопись с непонятными значками, вроде бы повествующая о закопанных где-то сокровищах. Потеряв надежду расшифровать манускрипт, прораб на старости лет решил продать его учёным — хоть какая-то выгода!

К тому времени возникло Общество по изучению фризской истории, члены которого усердно собирали старинные документы и вещи. Один из них, библиотекарь Элко Вервийс, узнал о рукописи, но Корнелис выдал ему только собственноручно переписанные копии нескольких страниц, которые Вервийс, разумеется, расшифровать не смог. Через пару лет прижимистый корабел неожиданно передумал и вручил Оттеме, состоявшему в том же обществе, сразу всю рукопись. Чудеса продолжались — уже через год историк сумел перевести достаточно сложный текст и предъявил его читающей публике. Та ахнула — в

«Хронике» утверждалось, что она написана в 1256 году и скопирована с ещё более древнего манускрипта, начало которого относится к 2194 году до нашей эры! Именно тогда, по утверждению авторов рукописи, опустилась на дно океана пра-родина белой расы — Атлантида или «Атланд». К тому времени белейшие из белых — предки фризов, свято хранившие чистоту крови, — успели переселиться в район Северного моря. Там они успешно оборонялись от «низших рас» до самого конца «Хроники», обрывающейся незадолго до римского вторжения в I веке до нашей эры.

Ошалевшие от радостного изумления историки начали внимательное изучение памятника. Тут-то и выяснились неприятные вещи — «рукопись XIII века» была написана на фабричной бумаге, изготовленной около 1850 года. «Древней» её сделали искусственно, подкоптив в дымоходе. Станным оказался и её язык, где древние фризские слова щедро мешались с современными голландскими в совершенно невероятных грамматических сочетаниях. Что касается «рун», которыми была записана «Хроника», то ими оказались искажённые буквы латинского алфавита, которым была придана форма древнегерманских рунических знаков. Рукопись, якобы составленная разными авторами на протяжении 3000 лет, была написана в едином стиле, притом не похожем ни на один известный памятник европейской языческой традиции. Вдобавок в тексте обнаружили прямые заимствования из нескольких сочинений XIX века, включая книгу «Руины» французского литератора Константина Вольнея. Несколько критических статей разгромили «ценную находку» в пух и прах. Репутация Оттемы, продолжавшего отстаивать подлинность «Хроники», была погублена.

Казалось, «Ура Линда» невозвратно канула в Лету вместе с другими подделками. Но полвека спустя у неё объявился новый защитник — голландский филолог Герман Вирт, родившийся в 1885 году. С юности он был увлечён не только поиском «праязыка человечества», но и защитой чистоты германской расы и культуры. В Первую мировую он добровольцем вступил в немецкую

* Опубликовано в журнале «РОДИНА» 2007 № 8

армию, а позже перебрался вместе с супругой в Германию, поселившись в Марбурге. Там он продолжил изучение истории и в 1928 году издал книгу «Происхождение человечества». Одним из её источников стала «Хроника Ура Линда», к подлинности которой Вирт отнесся весьма своеобразно. Он признавал, что рукопись возникла в XIX веке, но считал, что она переписана с более раннего оригинала и большей частью повествует о подлинных событиях — об этом говорили найденные им в тексте параллели с событиями древнейшей истории германцев.

Впрочем, на текстологических мелочах Вирт не заикливался: главным он считал пафос «Хроники», направленный против «низших рас» и христианства: «Попы говорят елейные слова, но при этом незаметно подрывают всё, что касается фризов». Вовсе не случайно публикация немецкого перевода «липового» сочинения совпала с приходом Гитлера к власти и была датирована «1933-м годом, когда немецкий народ вернулся к Чести и Свободе». Вирт давно питал симпатию к национал-социализму и постарался отразить это в своем переводе, с помощью многочисленных исправлений текста придав ему отчётливый «коричневый» оттенок.

МОМЕНТАЛЬНО В МОРЕ

«Ура Линда» — не хроника в полном смысле слова, а собрание туманных легенд, законов и моральных заповедей. Начинается она с рассказа о том, как Мировой дух Вральда и Ирта-Земля родили трёх дев: «Лиду из раскалённой пыли, Финду из горячей пыли, Фрейю из тёплой пыли». Сообразно температуре, сёстры имели разный характер: «Лида была черна, курчава, как барашек, а глаза её сияли подобно звёздам. Её поступки направлялись её страстями, а о законах она ничего не хотела знать... Финда была желта, а её волосы были подобны конской гриве. Она написала тысячу законов, но при этом не придерживалась ни одного из них... Фрейя была бела, подобно утреннему снегу, а голубизна её глаз превосходила голубизну радуги... Первое, чему учились её дети, была внутренняя дисциплина, а второе — любовь к добродетелям».

Первоначально потомки трёх сестёр населяли остров Атланд, точнее Альгланд, что по-немецки означает «древняя земля». Потомки Фрейи жили мирно и благополучно под властью мудрых «народных матушек», а вот их родственники вели себя из рук вон плохо. Они воевали, грабили, уничтожали природу, а самые неуёмные даже вступали в связь с животными, породив дикие «низшие расы». Творчески дополняя «Хронику», Вирт объявил самой нечистой из рас евреев и каким-то образом разглядел в одном из древних наскальных рисунков Бохуслена в Швеции «содомитский акт праеврея со свиньей».

Вскоре расплодившиеся мутанты начали совершать набеги на миролюбивых детей Фрейи, которым пришлось искать новую родину в Европе. Недочеловеки между тем продолжали свои безобразия и в итоге вывели из себя Вральду, который утопил их в море вместе с Атлантидой. Впрочем, не всех — их потомками, по Вирту, стали африканские людоеды и кровожадные «еврей-ацтеки» Центральной Америки.

В Новой Атлантиде (она же остров Туле) потомки Фрейи, принявшие имя фризов, то есть «свободных», продолжали подчиняться матушкам, каждая из которых жила в крепости и имела священную лампу. Избирая себе военных вождей, фризы не только успешно отражали атаки «низших рас», но и завладели всей Западной Европой — например, греческую культуру создала их матушка Минерва-Эллениа, в которой нетрудно опознать античную богиню. Фризами были будущие боги Тор и Вотан (Один), а также Будда, который отождествляется с Кришной и Христом (эта «глубокая» мысль взята из сочинения упомянутого Вольнея). Постепенно, вполне по Марксу, неравенство в распределении власти и богатства испортило фризов и перессорило их друг с другом. Рассерженный Вральда снова открыл небесные шлюзы и потопил грешников — теперь на месте их родины лежит мелководная Доггербанка в Северном море. Пользуясь этим, дикие финны-мадяры (потомки Финды) начали одну за другой завоевывать земли фризов, оставив им только Нидерланды. Но и на них в конце повествования нацелились хищные взгляды завоевателей-римлян и их пособников — христианских миссионеров. Составитель хроники заклинает земляков не верить расово неполноценным пришельцам, храня чистоту крови и обычаев.

Эта масштабная и довольно стройная историческая мифология чем-то напоминает сочинения Толкиена. Правда, последние никто, кроме вконец заигравшихся «ролевиков», не принимает за истинную картину событий. А вот поверить в истинность «Ура Линды» многим хотелось — слишком уж хорошо она вписывалась в контекст «ариософии», возникшей в конце XIX века как синтез теософии с великогерманским шовинизмом. Её враждующие школы объединялись верой в величие германской нации, страстью к «тайным наукам» и неприязнью к христианству и «мировому еврейству», между которыми иные ставили знак равенства, требуя возврата к языческому «вотанизму».

На фоне прочих ариософов, часто невежественных и психически нестабильных, профессор Вирт выглядел вполне достойно. Его лекции посещали вожди Третьего рейха. Ещё в 1929 году он познакомился с Гитлером, а создатель СС Гиммлер авторитетно заявил, что «Ура Линда» «истинна, поскольку подлинным является её

ядро». В теорию и практику эсэсовцев вошла разработанная Виртом теория рун — «лучей божественной благодати». При поддержке нацистов в городке Бад-Доберан был создан Центр по изучению духовной истории, который в 1935 году превратился в общество «Аненэрбе» — «Наследие предков». Эта организация занималась широким кругом проблем — искала в Тибете следы древних арийцев, а в Пиренеях — Святой Грааль, пыталась вылечить рак, изобретала новую религию взамен христианства. Именно по её заказу доктора Рашер и Менгеле ставили изуверские опыты на заключённых.

Формально «Аненэрбе» возглавил Вирт, но конкуренты уже начали копать под него. Его обвинили в том, что он подменяет мужественный патриархат сентиментально-расслабляющим материнским культом, осуждает завоевательные войны и «перетягивает одеяло» на родную Голландию, объявляя немцев не вполне чистокровными. Из комментариев к «Ура Линде» вырвали крамольные цитаты: «Тот, кто забирает у другого свободу, сам становится несвободным. Насилие, которое исходит от нас, к нам же и возвращается».

Поводом для опалы Вирта стали проведённые им раскопки в Швеции — найденные там «арийские древности» оказались поддельными. В 1937 году Гиммлер уволил профессора и включил «Аненэрбе» в структуру СС. Впрочем, никаким репрессиям Вирт не подвергался и продолжал мирно заниматься ариософскими изысканиями вплоть до конца войны. С приходом союзников он попытался изобразить себя жертвой нацизма, но его звание оберштурмбанфюрера СС говорило само за себя. После двух лет в тюрьме он эмигрировал в Швецию, а потом вернулся в Марбург и снова занялся исследованиями «пракультуры». Книг он больше не издавал, держался замкнуто и только в 1960-е годы начал переписываться с единомышленниками вроде чилийца Мигеля Серрано. Вирт скончался в феврале 1981 года почти совершенно забытым. Вспомнили о нем благодаря «Хронике Ура Линда», которую сегодня снова поднимают на щит поклонники «крови и почвы».

ВРАЛЬДА НАПРОКАТ

Так кто же был автором «Ура Линды»? Этот человек, живший в середине XIX века, должен был владеть пером, хорошо знать историю и пылко любить фризскую старину. Прораб Овер де Линден никак не удовлетворял этим условиям, поэтому долгое время авторство приписывалось одному из причастных к находке «Хроники» любителей древностей — Элко Вервийсу или Яну Оттеме. Ещё одним кандидатом стал поэт и проповедник Франсуа Хавершмидт, тоже состоявший в Обществе любителей фризской истории.

В 2004 году фризский историк Гоффе Йенсма в своей книге «Разоблачённое божество» восстановил схему фальсификации — Вервийс подбирал материалы для «Хроники», Хавершмидт их литературно обрабатывал, а Овер де Линден организовывал «пиар», рассказывая направо и налево о доставшейся ему от предков рукописи.

Похоже, бывшему прорабу за это неплохо заплатили, а вот остальные участники операции действовали вполне бескорыстно. Их целью было пробудить национальную гордость фризов и поднять их на борьбу за независимость. В этом не было ничего невозможного — добилась же незадолго до этого свободы Бельгия, тоже подвластная Нидерландам! Та эпоха вообще была богата национальными движениями, нередко опиравшимися на всевозможные подделки. Можно вспомнить «Краледворскую рукопись» чешского антиквара Вацлава Ганки, «Старинные бретонские баллады» Ла Вильмарке, «Песнь Бояну» князя Сулакадзева. В тот же ряд органично вписалась «липовая хроника». Её новое явление случилось в период, когда фальшивки отвечали уже не национальным, а политическим потребностям. Знаменитая «Велесова книга» призвана была удревить историю России и теснее связать её с общецарийским язычеством в интересах русских националистов. Национал-социалистам Германии для той же цели была предложена «Ура Линда» в её виртовской интерпретации.

Сегодня, когда языческая ариософия пытается заполнить временно опустевшую нишу национальной идеи, «Хроника» привлекается ей на помощь. Не случайно её главным пропагандистом выступает «евразиец» Александр Дутин, а переводчиком книги стал его ученик Андрей Кондратьев. В свои 23 года он успел блестяще освоить немецкий язык и изучить весь круг ариософско-мистической традиции, питавший творчество Вирта. Правда, за пределами этого круга его эрудиция порой хромает — отсюда в книге появляются «хессы» вместо жителей немецкого Гессена, «гуанхи» вместо гуанчей и «каунти» вместо обычного английского «графства». Впрочем, это не умаляет заслуг молодого учёного, который не только перевёл объёмное сочинение Вирта, но и снабдил его не менее объёмистым комментарием, имеющим самостоятельное значение как свод любопытных (хотя и достаточно спорных) сведений из области «пракультуры».

Ещё более любопытен подход переводчика к вопросу о достоверности «Ура Линды». В предисловии к книге он пишет: «Публикуемую нами «Хронику» можно рассматривать как фальсификацию... можно боготворить или проклинать, но это не дает нам основания выбрасывать такой яркий памятник из культурной истории человечества». В итоге достоверность «яркого памятника» выносится за скобки (ведь подтвердить её реши-

тельно нечем), и «Хроника» ничтоже сумняшеся ставится в ряд подлинных исторических свидетельств. А это, вполне по-виртовски, даёт основание возводить на ее основе масштабные концепции прошлого, в которых уютно обосновывается теория о «высших» и «низших» расах.

Непонятно, правда, зачем отечественным ариософам брать напрокат всю эту немецкую «вральду» — ведь с её точки зрения они безоговорочно относятся к «недочеловекам». Возможно, их привлекает страстный консерватизм «Хроники», её атаки против капитализма и глобализации, невозможные в I веке, но вполне объяснимые в XIX. Возможно, нравится псевдоарийская мистика, все эти «круги Юла» и «колёса Кродера». А может, цель более глубока и не вполне осознаётся даже адептами «Ура Линды». В своё время эту

цель сформулировал Гитлер, заявивший: «Эти профессора и мракобесы, которые создают собственную нордическую религию, портят мне всё. Почему я допускаю это? Они вносят сумятицу, а всякая сумятица плодотворна».

«Сумятица», внесённая в умы немцев паранаучными теориями, взорвала их веру в здравый смысл, заставив поверить в вызывающе иррациональные бредни фюрера. Сегодня ту же роль играют «новые истории» Фоменко, Суворова, Бушкова и иже с ними, уже расшатавшие общественное сознание до опасных пределов. Но «Ура Линда» вряд ли примкнёт к ним — слишком уж антикварны её идеи для наших современников. Похоже, ей так и предстоит остаться страшноватой сказкой а-ля Толкиен, адресованной поклонникам «расовой чистоты».

Археология и параэтногенетическое исследование в современной России

Пара...[< греч. *para* возле, *при*]
Словарь иностранных слов, М. 1982

Традиция этногенетических исследований в России восходит к знаменитой «анучинской триаде» — триединству гуманитарных наук в составе антропологии, этнографии и археологии. В этом случае археологические данные справедливо рассматриваются в качестве исторического источника. Более того, именно они чаще всего служат и сегодня для попыток доказательства древности того или народа на данной территории.¹

Мы становимся свидетелями масштабных этногенетических построений, основанных на использовании только археологических данных, да к тому же еще недостаточно выверенных.

Вольная трактовка схематичных изображений, еще более вольное априорное сопоставление этих изображений с отдельными эпизодами из слабо документированных эпических сюжетов; непрофессиональная «игра в фонемы» нагромождение названий разновременных археологических культур (сиречь инструментов исследования в археологии (?): см. об этом ниже) без их строгой вещеведческой разработки и научной оценки реальной культурно-генетической связи, перемешанные со ссылками на отрывочные (вне общего контекста) сведения из плохо понятых автором и, как правило, недостаточно репрезентативных палеоантропологических источников.²

И готово: прослежен этногенез башкир в Приуралье «от верхнего палеолита до этнографической современности!» (например: Котов, 2006). Как нынче говорят: «Легко!». И на этот раз не на Кавказе, а в самом сердце России.

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ЭТНОГЕНЕТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ.

Факт существования человеческих рас (современных и древних) подвергается сомнению особенно в последнее время и не только в зарубежной науке.

Блестяще сформулированный в нашей науке принцип историзма расы (Бунак, 1938) вовсе не исключает, а, скорее, подчеркивает вероятность

несовпадения морфологических характеристик древних и современных расовых общностей, что необходимо учитывать при построении любых расогенетических (и этногенетических) схем. Кроме того, не учитывается, как правило, что любые расогенетические процессы имеют не прямолинейный, а сетевидный характер.

ЭТНОСЫ — ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕАЛИЯ ИЛИ ИСКУССТВЕННАЯ КОНСТРУКЦИЯ СОВЕТСКОГО АКАДЕМИКА?

Практика исследований показывает: чем меньше археолог ориентируется в теории современной этнологии, тем чаще и увереннее он использует в своих реконструкциях всякого рода этническую номенклатуру, почерпнутую из древних письменных источников или просто выдуманную им самим.

Между тем, само существование этносов, как исторической реальности, сформулированной школой Ю.В. Бромлея, теперь подвергается сомнению именно профессионалами-этнологами (Тишков, 2003). Таким образом, традиционная дискуссия о соотношении таких понятий, как «этнос» и «археологическая культура» сегодня переносится в плоскость проблемы существования этноса, как некой исторической реальности современности и древности вообще.

КУЛЬТУРА ЭТНОСА, ЭТНИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА И АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА

Базовое для археологической науки понятие «археологическая культура», которая часто является объектом этнических манипуляций и всякого рода этногенетических спекуляций, остается весьма неопределенным. Специалисты до сих пор не могут согласиться даже в простом, казалось бы, вопросе, что есть такое «археологическая культура» — только инструмент исследователя или объективная историческая реальность, связанная с этническими различиями носителей этих культур? (Клейн, 1991) Другая проблема «ар-

хеологической культуры» состоит в том, что даже хорошо изученная, она лишь отчасти и всегда неполно отражает культуру носителей в целом.

К закономерной неполноте и фрагментарности археологических данных, добавим процессы культурной диффузии в пограничных культурных ареалах, характерные для современных и древних обществ состояния этнической гетерогенности и, наконец, отсутствие в археологии надежных критериев выделения признаков *этнической культуры* из конгломерата признаков, характеризующих *культуру этноса* (Яблонский, 2000, 2002)

Не только прямое отождествление археологической культуры (*инструмента исследователя-?*) с конкретным этносом, но даже процесс дифференциации признаков культуры этноса и этнической культуры в каждом случае требуют специальных подходов и применения специальных методик, которые выводят нас за рамки собственно археологии и уводят в область междисциплинарного *этногенетического* исследования.

НЕ НАВРЕДИ!

Игнорирование упомянутых и не упомянутых здесь трудностей и непонимание конфликтообразующих последствий псевдо-(пара)этногенетических конструкций в условиях современной многонациональной, гетерогенной, многоконфессиональной и мультикультурной России с ее внутренними административ-

ными границами, часто проведенными с учетом произвольно установленных политиками «этнических» ареалов, напоминает легкомысленную игру ребенка с огнем в пороховом погребе или действия слона в посудной лавке.

И принцип «Не навреди!», используемый обычно в медицине, в высшей степени применим к нашим, казалось бы, отвлеченным, но на самом деле столь опасным в современных условиях России «академическим» штудиям, этногенетической и этноисторической направленности.

Нужны специальные организационные мероприятия, направленные на разработку теории и практики этногенетических исследований, но они пока, к сожалению, не проводятся. В этих условиях нам иногда лучше помолчать, чем сказать лишнее, не осторожное слово, которое может послужить искрой для возникновения межнационального пожара. Даже, если кто-то упрекнет нас в «выхолащивании» археологии и утрате ею историзма (на самом деле — современного псевдо-исторического мифологизма).

Здесь ни в коем случае не идет речи о каком-то запрете или цензуровании исследований этногенетической направленности. Но речь идет о необходимости соблюдения исключительной осторожности при их проведении, необходимости (еще на стадии написания) всесторонних консультаций с представителями смежных исторических дисциплин, и, главное, *персональной самоцензуры авторов*.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	5
Программа Круглого стола	3
Беляев Л.А. Фальсификаты, археология и общество	7
Беляев Л.А., Бужилова А., Петров А.Е. Патриотический скелет в народном шкафу. Опыт фальсификации с помощью археологии и судебной криминалистики	9
Бессмертная О.Ю. Ахметуковедение: создание национального писателя в адыгейском литературоведении	16
Васильев А.Д. Современная турецкая историография об отношениях России с государствами Центральной Азии	18
Гаджиев М.С. «Албанская книга» и ее роль в сложении лезгинской этноцентристской мифологии	19
Дубовик В.В. Подложная грамота «Иоанна Владимирского Шуйского» ..	21
Зайцев И.В. Антоний Мухлинский и «Рисале-йи Татар-и Лех» («Трактат о польских татарах» или «Трактат польского профессора» ?)	23
Зарецкий Ю.П. Кацкари (об одном реальном вымышленном воображаемом сообществе)	25

Кизиллов М. Ильяш Караимович и Тимофей Хмельницкий: кровная месть, которой не было.....	26
Петров А.Е. Приказано выжить! Влияние необульгарской идеи на жизнестойкость поддельного свода Джагфара.....	27
Столяров А.А. Подделки жалованных грамот в раннесредневековой Северной Индии.....	32
Федорчук А. Авраам Фиркович и фальсификации крымских надгробных памятников.....	33
Шамялоглу Ю. «Джагфар Тарихы». Как изобреталось бульгарское самосознание.....	35
Шамин С.М. Легендарная переписка турецкого султана	40
Шнирельман В.А. Тени забытых предков. Подделки как этнополитическая проблема	42
Эрлихман В.В. В гостях у Вральды: фантастическая «Хроника Ура Линда».....	48
Яблонский Л.Т. Археология и параэтногенетическое исследование в современной России	52

Научное издание

**Фальсификации источников
и национальные истории**

Материалы круглого стола

Оформление
Верстка *А. Ельцева*

Изд. лиц. ИД № 04697 от 28.04.2001

Подписано в печать 12.09.2007
Формат 60x84/8. Бумага множ.
Усл. печ. л. 6,5. Уч.-изд. л. 5
Тираж 150 экз.

Институт востоковедения РАН
107031, Москва, ул. Рождественка, 12
Научно-издательский отдел
Зав. отделом И.В. Зайцев